

Генри Лайон Олди

ГАРПИЯ

Чистая фэнтези

Генри Олди

Гарпия

«Автор»

2008

Олди Г. Л.

Гарпия / Г. Л. Олди — «Автор», 2008 — (Чистая фэнтези)

ISBN 978-5-699-27032-3

Поэт Томас Биннори, любимец короля, умирает от душевной болезни. Все усилия лекарей и магов-медиков тщетны. Спасти несчастного может лишь гарпия – женщина-птица, обительница резервации на Строфадских островах. Но согласится ли она, помня, как люди воевали с ее племенем, вытесняя с исконных земель? А если даст согласие – что сделает Келена-Мрачная с поэтом, зная, что воздействие гарпии не способны заметить самые опытные чародеи Реттии? За крылатой гостьей следят все – лейб-малефактор Нексус, приват-демонолог Кручек, капитан лейб-стражи Штернблад, воришка Крис-Непоседа, профессор Исидора Горгауз, в прошлом – бранный маг... Роман «Гарпия» продолжает цикл «Фэнтези», куда вошли такие широко известные произведения Г. Л. Олди, как «Шмагия», «Приют героев», «Три повести о чудесах» и «Архивы Надзора Семерых».

ISBN 978-5-699-27032-3

© Олди Г. Л., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Prologus	5
Liber I	8
Caput I	8
Caput II	17
Caput III	26
Caput IV	37
Liber II	46
Caput V	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Генри Лайон Олди

Гарпия

Мы, маги, самонадеянны, как никто в мире. Создавая дворцы и разрушая города, жонглируя заклинаниями и играя чарами, мы носимся с Высокой Наукой, как дурень с торбой, как дикарь с палкой, к которой он впервые прикрепил острый камень, и не замечаем, что мироздание безразлично к новоявленным владыкам. Уверенные, что все познаваемо, подчиняемо и изменяемо, или в крайнем случае – уничтожимо, мы запираем себя в клетку предубеждений, держимся за прутья и хохочем в лицо каждому, кто заявит о нашей ограниченности.

Кажется, что наш хохот сотрясает основы бытия. Но нет, он всего лишь гаснет в пяти шагах от клетки. Там, в темноте, сверкают чьи-то глаза, там кто-то ходит на мягких лапах, там слышится жаркое дыхание зверя. Клетка, ты ограждаешь нашу свободу? – а может, ты просто спасаешь нас, могущественных калек, от шанса сделаться легкой добычей?

Из записей Нихона Седовласца

И однажды воображение пришло мне на выручку, и я создал богов; а затем пришлось сотворить и людей, чтобы те поклонялись богам; а также и города, где они будут жить, и королей, которые будут ими править; но королям и городам потребны имена, и великие, веские имена нужны широким рекам, которые – я видел это – ночами текут по королевствам.

Эдвард Джон Мортон Дракс Планкетт, 18-й барон Дансени

Prologus

– Большой курятник, – сказал дедушка, улыбаясь. – Это я о Реттии. Большой, грязный и, главное, тесный курятник. Тебе будет трудно там.

В голосе деда звучало понимание, спокойное и доброжелательное. Так солдата отправляют в разведку, откуда мало шансов вернуться с донесением, так благословляют на дальнюю дорогу и трудную работу, зная, что уходящий редко приносит домой удачу, а работник – богатство. Так разговаривают с равным, поручая важное дело и не оскорбляя слезливым, лишним сочувствием.

– Мы рождены для простора, а его в Реттии мало. Люди кидаются на каждую крупинку, стараясь успеть прежде конкурента. В итоге – свалка, давка, и никакого простора. Он затоптан ногами. Нам свойственно размышлять, не торопясь, а в столице для этого вечно нет времени. Суэта – их девиз. Я знаю, я жил в городе шесть лет. И три года – при храме Шестирукого Кри.

Вперевалочку, неуклюже раскачиваясь, он подошел к самому краю скалы. Стоя над обрывом, дедушка смотрел туда, где ветер оглаживал ладонью мохнатые облака. Внизу, на гребнях волн, вскипали барашки – и буйными отарами неслись прочь, как если бы море пыталось уподобиться небу. Горластые чайки устроили базар, сбившись в стаю над Тарренским мысом. Осторожно, словно боязливая девчонка – пальцами ноги, солнце пробовало воду краешком диска.

От места соприкосновения тянулись ленты: алые, желтые, багряные.

– Ничего, дедушка. Я справлюсь.

Келена с любовью смотрела на старика. Она знала: едва покинув Строфады, она обратится для деда в воспоминание. Черно-белая картинка, факт, не отягощенный чувствами. Старик будет помнить все, что видит и переживает в данный момент, но не станет волноваться за внучку. Просто ожидание. Миссия Келены чрезвычайно важна для племени. Но сердце от этого не забьется чаще ни на одну сотую такта. Да и она сама, оставив родной остров позади, вспомнит о бабушке без лишних сантиментов.

Надо пользоваться радостью в настоящем. Грустить сейчас, восхищаться здесь; беспокоиться над обрывом, а не в ста шагах от него или в падении. Сиюминутность – единственная крепость, которая заслуживает обороны. Для обитателей Строфадской резервации нет якорей в прошлом и будущем.

За спиной Келены тянулся луг – бурый, высохший от летней жары. Когда осень осчастливит землю дождями, на лугу распустятся цветы. Гиацинты, фиалки, дикие пионы придут на смену весенним красавцам: ирисам и тюльпанам. Еще дальше пейзаж был выдержан в серых тонах, оживляем лишь желтизной зарослей дрока.

– Идет буря, – заметил дедушка. – Ветер усиливается. Воздух сухой, как глотка у похмельного забулдыги. Облака слоются. Уверен, к полуночи грянет.

– Хорошо бы, – согласилась Келена.

На закате она отправлялась в путь. И очень надеялась на бурю. Дед прав: рваные края облаков, чехарда ласточек, резкое похолодание – все сулило шторм. С другой стороны, внезапная смена погоды могла быть результатом усилий заклинателя ветров, выполняющего чей-то заказ, или волхва-процеллера, нанятого на пиратский корабль – отводить непогоду в сторону. Если так, нет резона предсказывать, что случится через час – буйство стихий или полный штиль.

– Научись, девочка. Многие из наших считают твой поступок бессмыслицей. Кое-кто – безрассудством. Единицы – шансом построить мост над пропастью. Я бы назвал это крыльями, да боюсь показаться выжившей из ума развалиной.

Келена засмеялась. Слово «боюсь» потешно звучало в устах бабушки, который ничего и никогда не боялся. Страх мало свойствен обитателям Строфад, а дед прожил такую длинную, богатую, полную событий жизнь, что самый храбрый страх побледнел бы от ужаса и удрал со всех ног, предложи ему судьба принять в ней участие.

Старик обернулся. Келена подалась вперед, впитывая, запоминая черты дедова лица. Морщины, складки, «лапки-царапки» в уголках мудрых, чуточку насмешливых глаз. Горбатый нос, похожий на клюв орла. Пряди седых, местами – грязно-серых волос падают на плечи. Щеки запали, подчеркивая остроту скул. Подбородок резко выпячен вперед – борода у мужчин из народа Келены не росла, в отличие от усов, зато подбородок удавался на славу, соперничая с носом.

Родное, знакомое с детства лицо. Нет, поправила она себя. Это лицо, девочка, ты узнала не сразу. Раньше дед был красавцем. Скоро он опять станет красавцем – на год, в лучшем случае, на два. И тогда – все. Грусти сейчас, девочка, не теряй драгоценных секунд. На закате грусть останется здесь, а ты даже не обернешься, не взглянешь через плечо на одинокую, печальную грусть, брошенную на берегу, словно драное тряпье.

Впрочем, смотреть дальше, чем следует, ты тоже не станешь. Не увидишь тревогу, приплясывающую на том конце пути, и боязнь провала, и дурные предчувствия. Свора чайаний и опасений может изойти дребезжащим лаем – не вижу, не слышу, не знаю. Тебя не учили выборочной слепоте, ты родилась такой.

И ни разу не пожалела об этом.

– О деньгах не беспокойся. Стипендия тебе обеспечена. И достойное содержание. Нетрудно сторговаться, если потребности малы. Хочешь, мы принудим их раз в месяц покупать тебе новое платье? Парча, шелк, бархат – хочешь?

Оба улыбнулись. Прощаясь, они много и с удовольствием смеялись. К слезам, пророчила бабка Айзер-гюль, старейшина рыбацкого поселка на южной стороне острова. Бабка сама не смеялась, и другим не велела. У рыбаков слово женщин звучало громче мужского. Наверное, это и послужило причиной, по которой их род не оставил Строфад, когда острова объявили резервацией под властью Реттийской короны. Все переселились на Закмос, Тутир, Дактиль; самые бойкие – на материк, в восторге от обильных компенсаций. Даже монахи-скрытники, рыдая, покинули обжитые, намоленные землянки, а упрямы-рыбаки не двинулись с места. Деньги от казны они получили, что называется, до гроша, отдали женам и матерям, те спрятали монеты в кубышки, на черный день, зарыли в тайном месте, под елью у развалин древней цитадели – и отправили мужей ловить морских черепах, ибо сезон.

У женщин корни растут глубже, думала Келена. А у *наших* женщин – еще глубже, хотя многие считают нас бесчувственными. Наши корни так глубоки, что достигают ваших бездн – потаенных, скрытых от вас самих. Философия, говорите вы. Религия, говорите вы. Высокая Наука, в конце концов, говорите вы.

Новые земли и новые пути, говорим мы.

Спасибо за доступность.

– Постарайся все-таки помочь больному. Боюсь, там очень запущенный случай, – сказал дедушка. Теперь слово «боюсь» прозвучало естественно и совсем не смешно. – Будь осторожна.

Он сделал последний шаг и кинулся вниз со скалы.

Келена выждала минуту-другую и подошла к обрыву. Пряный аромат лавра и шалфея, тимьяна и розмарина, вечный запах летних Строфад тянулся за ней, как плащ. Змея просквозила в траве и убралась подальше, в тень колючих кустов фриганы, стойких к засухе. Солнце блаженно тонуло в море, разбрызгивая винно-красную воду от горизонта к берегу.

– Я постараюсь, дедушка, – пообещала она.

В полночь началась буря.

Liber I

Мрачная с Островов Возвращения

Caput I

*...Надломив крыло из ваты,
Ляжем в облака, как в склепы.
Мы, поэты, редко святы,
Мы поэты, часто слепы.*

Томас Биннори

– Купите цветочек, сударь!

Цветочница Герда считала себя плоть от плоти Веселого Тупика, и не без оснований. Двенадцать лет назад ее подкинули здесь – не вполне здесь, скажем честно, но рядом, за углом – к порогу храма Добряка Сусуна. Жрецы-отпущенцы сжалились над бедолагой, мокрой и синей от крика. Шесть месяцев дитя обихаживали, как могли, неумело, по-мужски проявляя заботу и втихомолку радуясь живой душе, далекой от греха. Затем девочку взяла под опеку бабушка Марго, верная прихожанка, укрепив благой порыв содержанием, назначенным ей от храма.

Жила бабушка Марго, считай, в Веселом Тупике. Ну ладно, считай не считай, а положи руку на сердце – близко, пять минут ходьбы, не больше. Перекресток Кладбищенской и Трубача Клауса, домик под крышей цвета свежей ржавчины, третий этаж. Герда была не первой у старушки. Кристиан, для друзей – Крис-Непоседа, еще один внук-приемыш, успел раньше девочки обосноваться в тесном бабушкином жилище и в просторном бабушкином сердце. Талант карманника, проявившийся в раннем детстве, дар брать без спросу и вовремя уносить ноги, за который Кристиан удостоился похвалы Прохиндея Морица («Сопляк, ты кончишь жизнь на виселице!») лишь добавлял парню любви близких людей.

«Что бы ни нес, лишь бы в дом!» – говаривала Марго, чихая от доброй понюшки табака, и морщинки славными лучиками освещали ее лицо.

Бабушка всю жизнь торговала цветами. На покой она вышла прошлой осенью, передав семейное дело в руки Герды, цепкие и надежные. С младых ногтей девочка привыкла ходить за Марго, цепляясь за передник бабушки, а там – и самостоятельно. Владельцы оранжерей вздрагивали по ночам от изумления, смешанного с ужасом. Им снилась прелестная крошка, милый бутончик, торгующийся за каждый лепесток с азартом конокрада. Девочка научилась безошибочно определять, какие цветы завянут в скором времени, и всучивала покупателю именно этот букетик. Звонкий голосок привлекал клиентов, наивное личико даже в прожженном цинике будило любовь к прекрасному, а проклятья, летящие в адрес скупердяев, поражали цель без промаха.

Иные брали по три, по четыре букета, только бы «дурное орало» заткнулось.

– Купите цветочек, сударь!

Вотчиной Герды вскоре сделался Веселый Тупик. Набегавшись по городу, она раз за разом возвращалась сюда: так хищник, затаившись, ждет в засаде у водопоя. В Тупике, месте укромном и скрытом от досужих глаз, часто случались дуэли. Победитель, секунданты, лекарь, а то и побежденный, если оставался жив, с охотой брали у «цыпочки» розы – алые, пурпурные и багровые. Герда не знала, отчего драчуны предпочитают розы, схожие с лужицами крови, насаженными на шипастый клинок стебля, и не стремилась разрешить загадку. Корзина опустела, и ладно. Здесь же, в Веселом, студенты любили прижать к стеночке хорошенькую зеленщицу или душечку-прачку, сорвав поцелуй. Астры, георгины, а бывало, что и принц-гладио-

лус всегда оказывались кстати, если у студента завалилась монетка-другая, чудом спасшаяся от вчерашней пьянки.

Имелась в Веселом Тупике еще одна причина, по которой жители Реттии, колыбели изящных искусств, захаживая сюда, с охотой обзаводились цветами. Но о ней Герда помалкивала, боясь спугнуть удачу. Девочка, хоть и была в ту пору глупышом-несмышленишом, помнила, как причина возникла сама собой, без видимого повода, приехав в столицу верхом на пегом муле – и острым умишком понимала:

«Что явилось ниоткуда, грозит исчезнуть невпопад!»

Да, Герда обещала в будущем стать достойной преемницей бабушки Марго – и в торговле, и в мудрости, и в добросердечии. Хотя последнее, услышь девочка о таком казусе, она оспорила бы в любом суде, не нуждаясь в адвокатах. Есть возраст и положение, когда доброе сердце числится скорее в пороках, чем в заслугах. Ты преисполняешься гордости, если тебя кличут злоюкой, но отзывчивость звучит обидно, на манер рохли и мямли.

– Купите цветочек, сударь!

Мужчина, рослый дворянин при шпаге и плаще, не обернулся. Секундой раньше он вошел в Тупик, погружен в раздумья. Шляпа, надвинутая на брови, размеренная походка человека, который никуда не торопится – ждет не он, ждут его; стук колес кареты-невидимки, оставившейся за углом, ибо пассажир изъявил желание пройти пешком – все выдавало в дворянине особую значительную, следовательно, денежную и, возможно, щедрую.

Мудрость улиц: «звону» в кармане не всегда сопутствует желание поделиться.

Дворянин (Герда для себя окрестила его «верзилой») в подробностях осмотрел сперва корзину, а после – маленькую цветочницу. На Герду так смотрели впервые: не видя, не замечая, скользя по поверхности, будто башмак по первому льду. Казалось, верзила способен с одинаковой небрежностью взять букет, ударить девочку по щеке или подпрыгнуть и улететь в вечернее небо.

Вместо этого дворянин почесал кончик носа, отвернулся и двинулся дальше. Герда шумно вздохнула, лишь сейчас обнаружив двух спутников верзилы – старичину и хлюпика, согласно ее личному реестру «кобелей». Хлюпик напоминал кузнечика, старичина – гусеницу. Первый – вприпрыжку, второй – ковыляя и охая, они поравнялись с девочкой, стараясь не отставать от дворянина в плаще.

«Дратья явились, – решила Герда. – Верзила заколет хлюпика, а старичина подтвердит, что все было по-честному. Жалко, розы кончились. Ничего, продам георгины. Они тоже на кровию смахивают...»

Она ошиблась. Дратья гости Веселого Тупика не собирались. Верзила остановился у входа в заветный домик, где жила *еще одна причина*, и задумался, медля взяться за дверной молоток. Душа Герды запела: хвала Вечному Страннику, без цветов не обойдутся! Их трое, полкорзины заберут. День прожит не зря...

– Купите цветочек, сударь!

– Уйди, дитя, – велел хлюпик.

Это он напрасно. Чужая пожива, Герда становилась злее дикой кошки. Ради возможности укусь, впечисть в живое мясо, она частенько жертвовала и самой поживой – повод делался лишним, мешающим словесной баталии. Не в деньгах счастье, а оскорблять себя всяким прохвостом мы не позволим. Это нам-то уходить из Веселого? Это мы-то – дитя?

Герда не сомневалась, что с легкостью удерет от хлюпика, а уж от доходяги – и подавно. Значит, возмездия за дерзость можно не опасаться.

– Жадины! Скряги! Медяка пожалели бедному ребенку! Чтоб вас скрючило в три погребели! Чтоб ваши кишки играли отходной марш с ночи до утра! Чтоб вам зудело без почесуна...

Верзила с хлюпиком и ухом не повели. Зато старичина замер, как вкопанный, приняв ваясь. Герда была готова дать голову на отсечение – дряхлый мерзавец нюхал ее вопли. Шевелились мохнатые ноздри; слова влетали в них, отдавая хозяину не смысл, но запах.

Наконец старичина сморщился и чихнул.

– Пусть вам, жмотам, икается...

– Уймись, отроковица, – ласково произнес старичина, и Герда ощутила, как язык сворачивается в трубочку, где внутри, розовым червячком, спряталась немота, и снаружи тоже воцарилась немота, щекоча зубы опасным, зимним холодом. – Не надо желать случайным встречным целый ворох гадостей. Это дурно. Тебе говорили, что это дурно, или я у тебя первый?

– Оставь ребенка, Серафим, – велел дворянин. – Она не со зла.

– Разумеется, не со зла, – кивнул старичина. – Исключительно из благих намерений. Я же чувствую: она преисполнена любовью. Аж наружу брызжет. Отроковица, твое счастье, что Вышние Эмпиреи глухи к таким болтушкам, как ты. Кройся в твоём оре хотя бы одна скверная invocatio... Клянусь Нижней Мамой, я превратил бы тебя в чертополох и скормил на обед ближайшему ослу. Когда в следующий раз захочешь пожелать счастья ближнему, вспомни меня. Хорошо?

«Чтоб ты сдох!» – подумала Герда, тщетно пытаясь заговорить.

– Все смертны, – не стал перечить мерзкий старичина. – Рано или поздно я сдохну. Но не сейчас, к твоему великому сожалению. Давай сюда корзинку, моя прелесть. Люди искусства обожают цветы. Томас – не исключение. Вот и преподнесем...

Руки Герды помимо ее воли протянули корзину вперед. Хлюпик принял вынужденное подношение, не моргнув и глазом, а верзила достал из кошель монету и швырнул ее цветочнице. Он бросал, не глядя, и промахнулся бы, угодив денежкой в водосточную трубу. Но хлюпик вдруг оказался в трех шагах от места, где стоял, взял монету из воздуха и через плечо закинул Герде прямым в кармашек передника, вышитый по краю красным «живчиком».

Не теряя времени, Герда вытащила неожиданную плату и остолбенела: на ладони блестел золотой бинар!

– Чтоб ты сдох! – запоздалым эхом вырвалось у девочки, даже не заметившей, что дар речи вернулся к ней. – Сударь, за такие деньжищи хоть каждый день!.. и ни слова, ни полсловечка... да хоть в чертополох, хоть ослу на обед...

Она тараторила, уставившись на сокровище, губы плясали джигу, язык молотил чушь, словно с привязи сорвавшись, а в «шустрой соображалке», как Герда звала голову, творилось невообразимое. «Стой! – кричала интуиция, первой учуяв возможную беду. – Угомонись, дурища! Не лезь на рожон...» Впрочем, верзила не обращал на цветочницу никакого внимания. Он стучал молотком в дверь дома, не замечая, что девочка смешно кивает, будто кланяется, в который раз сличая его профиль с профилем, отчеканенным на золотом. Вопли Герды сделались тише, превратясь в обыденную скороговорку, снизились до шепота...

– ...ни словечка... никому!.. ваше величество...

Эдвард II, король Реттии, уже забыл о смешном ребенке. И королевские спутники – лейб-малефактор Серафим Нексус и Рудольф Штернблад, капитан лейб-стражи – повернулись спиной к Герде, пятившейся прочь из Веселого Тупика. Так оставляют поле боя, сдавшись на милость превосходящим силам противника – медленно, изо всех сил пытаясь не удариться в бег, сохраняя остатки достоинства.

Нечасто цветочницы продают георгины королям.

– ...ни-ни...

Она действительно никому ничего не рассказала. Бабушка Марго, Крис-Непоседа, подружки, соседи – никто не узнал от Герды, что король без свиты, только с двумя близкими людьми (каждый из которых стоил целого сонма придворных), на ночь глядя явился в дом Томаса Биннори, барда-изгнанника.

Человека, о ком в последнее время шептались:

– Слыхали? Ага, рехнулся! С ума сбрендил, рифмоплет...

Молчать девочке стоило большого труда. Иногда – непосильного. Но, пожалуй, именно с этого вечера, научившись держать язык за зубами, Герда перешагнула между детства, и судьба ее сделала резкий, опасный, неизбежный поворот, приведший ко многим последствиям. Истории часто начинаются так – с персонажа второго-третьего плана, о ком и забыть не грех, и вспомнить не вредно.

Истории жестоки к своим участникам.

Но об этом – как-нибудь позже.

* * *

– Прошу вас, ваше величество!

– Я рад видеть тебя, Абель. Как он?

– Трудно сказать, ваше величество. Иногда мне кажется, что дело идет на поправку. А случается, что я готов молиться кому угодно, хоть демонам преисподней, лишь бы...

Привратник, слуга (единственный в доме, не считая стряпухи), друг и спутник поэта, а временами – нянька и сиделка, Абель Кромштель гордился тем, что король зовет его по имени. Даже не так – что король вообще помнит его имя. Он не обиделся бы, зови его Эдвард без затей: «Эй, ты!..» – приказывая мановением руки. У королей уйма державных забот, куда им помнить имена мелких людей, вроде Абеля! А вот поди ж ты... В мире было всего два человека, за кого Абель не задумываясь отдал бы жизнь, или убил по их велению – мэтр Томас и Эдвард II, кумир и благодетель.

В остальном он был начисто лишен гордыни.

Даже на рынке он стеснялся торговаться, потупляя взор. Мясники, хлебопеки и продавцы овощей знали это качество Абеля, и – удивительное дело! – не спешили им воспользоваться, теща сиюминутную корысть. Напротив, сбрасывали цену сами, а потом долго провожали взглядом нелепого покупателя, которого вроде бы грех не облапошить, и в глазах торговцев сияло что-то, напоминающее отблеск стихов Биннори – комических, трагичных, разных.

– Добрый вечер, Абель!

– И вам здравствовать, мастер Нексус! И вам, сударь капитан! Следуйте за мной, я провожу...

Узким коридором, где гости шли гуськом за Абелем, воздевшим к потолку канделябр с зажженной свечой, они выбрались во внутренний дворик. По дороге гобелены на стенах впитывали без остатка любое произнесенное слово, даже шепот, даже шелест дыхания. Ковровые дорожки гасили звук шагов. Плиты, которыми был вымощен двор, прошитые на стыках мхом, позволяли ступать бесшумно – шершавая поверхность преникала к подошвам нежно, будто чуткая любовница.

«Правильно, – думал король, ожидая встречи и боясь ее. – Вдохновение капризно, его легко спугнуть. Скрип, кашель, трость упала на пол – и все, пиши пропало. Гений исчез, оскорбясь, осталась пустая, страдающая оболочка...»

Этот дом подарил барду он. Не за счет казны – за личные средства, унаследованные от предков. Приобрел здание у прошлого владельца, сделал ремонт, купил мебель и уговорил Биннори принять жилище в дар, как знак уважения к таланту. С детства, еще сопливым инфантом, Эдвард привык так утверждать: приобрел, сделал, купил – хотя, разумеется, он лишь отдавал распоряжения. Вот уговаривать довелось лично, и труд, видит Вечный Странник, стоил остальных усилий с лихвой.

Какое там «труд»! – пахота, рудники, перетягивание смоленого каната... Строптивый, независимый Биннори сменил на дорогах изгнания десятков королевств, пять курфюршеств и

одну маленькую, но чрезвычайно обидчивую деспотию. Перебравшись в Реттию, он готов был спать под забором и петь в тавернах срамные куплеты, беря с забулдыг по медяку за строчку, но ни в коем случае не зависеть от власть предержащих. Понадобилось время, прежде чем гордец понял, поверил сперва сердцем, а там и умом: король менее всего желает купить себе новую игрушку. Дом, содержание, приветливость венценосца – не подкуп, не милостыня, но знак признательности.

Самое мелкое, что может сделать богатый и властительный для талантливого и вдохновенного.

«Овал Небес, отчего простые истины – наиредчайшие? – думал король, глядя на поэта. – Я вспыльчив, упрям и капризен. Я хорошо знаю себе цену. Цену Биннори я тоже знаю. Вряд ли в будущем меня вспомнят лишь потому, что при мне творил этот человек. Надеюсь, сыщутся и другие причины помнить Эдварда II. И все же, все же...»

Томас сидел в кресле-качалке, дирижируя гусиным пером в такт каким-то своим мыслям. Перед ним не было чистого листа бумаги, чернильницы, ножичка для очинки перьев; перед бардом не было даже стола. Не ждала, прислоненная к поручню, верная арфа, готовясь запеть под ловкими пальцами – *прибрасывая*, как любил говорить Биннори, новый мотивчик.

«Нет, не пальцами, – вспомнил король. – Он играет ногтями. Встретив его в первый раз, я сразу удивился его ногтям – мало кто из дам способен похвастаться такой ухоженной, щегольской красотой. Тогда я еще не знал, что это – инструмент... Женственный изгиб арфы, струны из латуни, а ногти, чудится, вырезаны из слюды. Похожие окошки делали раньше в светильниках, прикрывая огонь. Проклятье, рядом с ним я сам делаюсь поэтом! А ему сейчас не нужен бездарный коллега, ему нужен спаситель...»

Длинные волосы падали Томасу на лицо. Вот он прикусил кончик пера, еле слышно рассмеялся и с силой откинулся на спинку кресла, едва не упав навзничь. Все происходило, как обычно. Если не приглядываться, то в доме царил рядовой вечер, один из многих.

– Он так сидит с рассвета, ваше величество, – тихо сказал Абель. Длинная физиономия слуги вытянулась еще больше, став грустней грустного. – Я трижды приносил ему поесть. Он отказался. Заявил, что эльфы и песнопевцы едят стрекозиные крылышки. Так и заявил: крылышки, мол. Воду, хвала небесам, выпил. Заходил лекарь Ковенант...

– И что?

– Ничего. Посмотрел, расстроился и ушел. Медицина, говорит, бессильна.

Эдвард кивнул, мрачняя.

– Твое мнение, Серафим? – обратился он к лейб-малефактору.

Прежде чем ответить, старик минуту или две смотрел перед собой невидящими глазами. Сейчас, анализируя мана-фактуру больного, он стал похож на безумца куда больше, чем веселый, спокойный, *умирающий* Томас Биннори. Длинный нос, состоявший, казалось, из сплошных хрящей, заострился до невозможной, бритвенной остроты, как у покойника. Космы седых бровей взлетели на лоб, словно чета лебедей; острые зубы прикусили нижнюю губу.

Можно подумать, Нексус согласился бы окаменеть навеки, лишь бы не отвечать королю.

По правде сказать, лейб-малефактор чувствовал себя отвратительно. Он наблюдал у поэта все классические признаки порчи, но в жилище порчей и не пахло. Никто не злоумышлял против Биннори, никто не калил в печи вынутый след, не наматывал краденый локон на веретено, прищепывая «окорот». Ни одна живая или мертвая душа не имела к происходящему касательства, кроме, разве что, души самого Томаса.

Ситуация противоречила естеству Высокой Науки: признаки – налицо, последствия – в полном наборе, а причина отсутствует категорически.

– Увы, мой король, – разлепил старик пересохшие губы. От его обычной ироничности, присутствующей даже тогда, когда он разговаривал с монархом, не осталось и следа. Для сведущих людей – а Эдвард и молчаливый капитан Штернблад, вне сомнений, были сведущими –

это давало пищу для размышлений. – Я не вижу картины магической атаки. Наверное, старею. Велите, и я завтра утром подам в отставку.

– Что ты видишь? – спросил король.

Слова об отставке он пропустил мимо ушей. Лишь объявилась новая, строгая морщинка на лбу, уведомляя: король настаивает на более подробном ответе.

– Будь я моложе, я сказал бы, что этот человек хочет умереть. Что он избрал наилучший способ самоубийства, недоступный прочим беднякам. Но я стар, и не сделаю такой ошибки. Сударь Биннори не хочет умереть. Он просто умирает. Чахнет без повода, уходит куда-то, куда нам с вами нет дороги.

Лейб-малефактор закричал, страдальчески пытаясь растереть себе поясницу. Услужливый Абель мигом придвинул старцу второе кресло, и Серафим Нексус с блаженным стоном опустился на сиденье, плетеное из прутьев ивы. Право сидеть в присутствии королей он получил еще в царствование Эдварда I, отца ныне здравствующего монарха.

«Если тебя хватит удар в моем присутствии, – сказал его прошлое величество, скупой на привилегии, – я огорчусь. Но не слишком, и не надейся. Считай, я избавляю себя от твоих вздохов, оханья и скрипа суставов. Корысть, любезный Серафим, корысть движет миром. Копни поглубже благотворительность, обязательно найдешь корысть...»

Рассыпавшись в благодарностях, Нексус воздержался от комментариев.

Мало кто знал, что дряхлость, а вернее, ее внешние проявления сопутствуют матерому вредителю Серафиму с юности. Еще будучи учеником Йохана Порчуна, а позднее – студентом Универмага, он избрал такое поведение, как способ накопления маны. Каждому свое: маги Нихоновой школы практикуют «Великую безделицу», отчего становятся похожи на грузчиков, гармоники-ноометры вертятся в безумном танце, от которого у всех, кроме самих ноометров, возникает тошнота и головокружение; рискованные некроты берут заем у Нижней Мамы, рассчитывая на сносные проценты, мантики по сто раз на дню прибирают свое жилище, закручивая энергетические потоки винтом...

Общую теорию накопления маны читали на первом курсе Универмага, не делая различия между факультетами. Впоследствии, на лабораторных работах, учащимся помогали вычленивать и осознать индивидуальные особенности маносбора. Те, кто был глух к нюансам собственного тела, обрекали себя на пожизненную ограниченность.

Серафим Нексус поймал старость за хвост, когда она пробежала мимо, и превратил в инструмент. Будто мастер-резчик, приступающий к работе, он оглядывал пространство вокруг себя, определял количество и качество доступной маны, намечал цель, после чего начинал выбирать средства. Одних стамесок не меньше десятка: охи – прямые, ахи – фасонные, вздохи – радиусные, жалобы – коробчатые, сетования – уголкового, кряхтение – U-образный церазик, вид доходяги – клюкарз с поперечным изгибом лезвия...

Вооружившись, Серафим резал. Реакция окружающих помогала, создавая дополнительный вектор всасывания. Сочувствие уплотняло манопоток, насмешки сдабривали добычу перчиком, для лучшего усвоения. Лучше всего были тайные ожидания скорой смерти «Вредителя Божьей милостью» – они прессовали ману в дивный, питательный концентрат, долго хранящийся в резерве.

Когда пришла настоящая старость, он был к ней готов. А окружающие и не заметили – не всем дано отличить копию от подлинника.

– Значит, просто чахнет?

Король прошел вперед и остановился перед Биннори. Тот поднял голову и, не говоря ни слова, уставился на Эдварда сияющим взглядом. От блеска глаз и выражения лица Томаса любого взяла бы оторопь – осень, преисполненная счастья от скорого визита зимы.

Цветы, поставленные капитаном у ног поэта, Биннори не заинтересовали.

– Ты узнаешь меня, Томас?

– Конечно, – откликнулся Биннори. – Ты – самый большой гриб в здешнем лесу. И самый червивый. Я узнал бы тебя даже в супе.

Вздрыгнул от испуга Абель: слуга знал, что владыки казнят и за меньшее. Капитан Штерн-блад с интересом разглядывал панно на стене: всадники схлестнулись в пыли и дыму, кромсая друг друга. Дремал в кресле лейб-малефактор, или делал вид, что дремлет, следя за происходящим на иных, недоступных обычным людям уровнях.

– Хорошо. Я – гриб. А ты? Ты кто, Томас?

– Я – лист. Я кружусь в воздухе, флиртуя с милочками-паутинками. Я – гном в красной шапочке. Я – вздох царицы фей. Я – клен в ярком уборе. Я – вкус родниковой воды, от которой ломит зубы. Я – это мы.

Внезапно, рассмеявшись, он запел:

– Это мы –
Ночным туманом
Тихо шарим по карманам
Зазевавшей души.
Есть ли стертые гроши?

– С ним и раньше такое бывало, – сказал король, обращаясь к Абелю. – Два раза. Нет, три.

– Три раза здесь, в Реттии, – слуга обеими руками пригладил бакенбарды. Те, кто хорошо знал Кромштеля, отметили бы: Абель донельзя взволнован, он на грани отчаяния. – У вашего величества превосходная память. И семь-восемь случаев во время наших странствий. От двух дней до недели, и он всегда приходил в чувство.

– Сколько это длится теперь?

– Месяц без малого. Поначалу я скрывал недуг, боясь дать пищу кривотолкам. Думал, обойдется. Раньше ведь обходилось? В конце второй недели я уведомил вас, ваше величество. Вы прислали к нам лейб-медикуса, сударя Ковенанта. Он и сейчас заходит... Ах да, я уже говорил.

Не слушая их, Томас Биннори продолжал петь:

– Это мы –
Благою вестью
Подбираемся к невесте,
Приближая срок родин.
Ты не с нами? Ты – один.

– Надо кушать, Томас, – в голосе короля пробились интонации матери, уговаривающей ребенка. – Одними стрекозиными крылышками сыт не будешь.

– Да, – согласился поэт, делая пером странные движения: словно намеревался метнуть дротик, но в последний момент изменял решение. – Еще нужен лунный свет. Его намазывают на пенье соловья, как малиновый джем. Лучшее лакомство в мире.

– Это все чудесно. Как насчет миски доброй похлебки? Ты ведь любишь похлебку с цветной капустой, правда, Томас? И с мелко натертым корнем сельдерея. Ты еще шутил: возвышенность поэзии уравнивается грубостью кухни. Самый тонкий ценитель прекрасного, случается, пускает ветры! Видишь, я запомнил.

Биннори наклонился вперед и пушистым кончиком пера ткнул короля в живот, между пуговицами камзола. Перо согнулось, но ость выдержала. Эдвард стоял без движения, не мешая – со спокойствием, достойным врача или няньки, он наблюдал за действиями любимца.

– Пукают змея, – сказал поэт, сооротив потешную гримасу. Он будто сообщал неوفиту величайшую тайну мира. – Воздушного змея. Его пускают по ветру. Нет, я не хочу похлебки. Раскрашивайте капусту без меня. Я сыт танцами.

И вновь затянул, притоптывая ногой:

– Это мы –
Листвой осенней
Догораем в воскресенье,
Размечтавшись о весне.
В понедельник – первый снег.

– Что ты делаешь? – бледный, как полотно, прошептал король.

– Он танцует с королевой фей, – Абель понял и суть вопроса, и кому вопрос предназначен. Слуги, когда они друзья, понимают намного больше, чем друзья, когда они слуги. – На берегу реки. Под зеленой, как сыр, луной. Извините, ваше величество, он вам не ответит.

Зеленый сыр, вспомнил король. В детстве меня пичкали им сверх всякой меры. Говорили, от него улучшается аппетит. А я терпеть не мог этот сыр – в него добавляли сухие, растертые в порошок листья голубого донника, и мне казалось, что противнее нет ничего на свете.

– Он рассказывал, – извиняющимся тоном продолжил Абель. – Изредка.

Слуга опустил голову, словно чувствовал за собой тайный грех. На самом деле он просто боялся ненароком взглянуть в лицо Эдварду, и увидеть свое отражение: боль, сочувствие и страдание от невозможности спасти, отбить у судьбы счастливого человека Томаса Биннори.

– Позже, когда приступы становились воспоминанием, он делился ими: ночь, луна, река, феи... Танец. Песни, которые приходят из чащи и садятся на берегу, ожидая, пока их споют. Смех деревьев. Дубы хохочут басом, а ольха мелко подхихикивает. Поселок на холме, в получасе ходьбы от опушки. Он очень тоскует по родине, ваше величество.

– Серафим! – не оборачиваясь, позвал король.

– Я здесь, ваше величество, – с закрытыми глазами отозвался маг.

– Я хочу, чтобы ты провел консилиум. Собери всех, кого сочтешь нужным. Мэтры Высокой Науки – на твое усмотрение. Только без лишнего рвения. Я хочу правды, а не лживого усердия верноподданных. Ковенант подведет итог с медикусами. Тем временем в Реттию прибудет...

Король задумался. Он искал подходящее слово, не нашел, и завершил так, как получилось:

– Прибудет тот, за кем я уже послал. Гонец вернулся со Строфад. Они согласны оказать нам помощь, в обмен на деньги.

– Всего лишь деньги, мой король? – усомнился старец.

И правильно сделал.

– Деньги и выполнение одного условия. Не волнуйся, это наилегчайшее условие из всех возможных. Чтобы его выполнить, не придется сносить горы и обращать реки вспять. Даже искать скрытый подвох, и то не придется.

Серафим Нексус вздохнул.

– Я – дряхлый, выживший из ума вредитель. Многие годы я, как мог, оберегал ваше величество от напастей. И мой опыт подсказывает: такие условия – самые опасные. Надеюсь, вы знаете, что делаете.

Когда они уходили, им в спины неслось:

– Это мы –
Без тени смысла,

Как пустое коромысло,
Упадем на плечи тьмы.
Не узнали? Это мы.

* * *

– Я отдам все, лишь бы этот человек стал прежним, – сказал король, выйдя из дома.

Серафим Нексус улыбнулся. Он знал цену таким заявлениям. Хотя выражение лица Эдварда II испугало бы лейб-малефактора, сохрани он способность пугаться.

– Как в сказке, ваше величество? Полкоролевства и дочь в придачу?

– У меня нет дочерей, – король остался серьезен. – У меня два сына. И оба слишком молоды для брака. Хотя... Пожалуй, я бы мог добавить сына к половине королевства. Сын подойдет, не правда ли?

– Не шутите так, ваше величество, – попросил Нексус.

– Я не шучу.

– Тем более. Слова бывают услышаны не теми, для кого они предназначались.

Caput II

*Задающий вопросы стоит на пороге,
Задающий вопросы в тоске и тревоге,
Он, бедняга, не знал, задавая вопросы,
Что вопросы – столбы, а ответы – дороги...*

Томас Биннори

– Итак, коллеги, подытожим, что нам известно.

Приват-демонолог Матиас Кручек выдержал паузу. Он прошелся по гостиной, заложив руки за спину. Под ковром застонали половицы, вторя тяжелой поступи. Половицы знали, кто в доме хозяин – дородный, грузный Матиас всегда ходил, сопровождаем скрипом, как свитой.

– Судя по картине, обрисованной уважаемым лейб-малефактором, недуг Биннори не дает заметных проявлений на эфирно-астральном уровне. Я правильно вас понял, коллега?

– Совершенно верно, коллега.

В углу, борясь с обидой, еле слышно засопел малефик Андреа Мускулюс. Пять минут назад Серефим Нексус в очередной, девятый за сегодня раз назвал его, действительного члена лейб-малефициума, «отроком». Маг высшей квалификации Кручек для старца, значит, «коллега», а он, Андреа (тоже м. в. к., между прочим!) – «отрок». И никому не интересно, что они с Кручком дважды коллеги – с прошлого года Мускулюс читал спецкурс по практическому сглазу в Университете Магии, где Кручек занимал должность доцента.

«Похоже, для начальства мое отрочество затянется до седых волос, – думал Андреа, с раздражением шевеля пальцами ног. Вняв совету жены, он надел, идя в гости, новые башмаки, и обувь жала. – Все нам пеняют, все попрекают, а мы моргаем и утираемся. Перед Номочкой только неудобно. Еще решит, что мужа держат за мальчика на побегушках...»

– Налей-ка мне водички, отрок. Что-то в горле пересохло. Видать, злоумышляют на дедушку Серафима. Мыслят обо мне всякие гадости – вот оно и сушит. Ага, лей, не жалеи...

Талант чтения мыслей за дряхлым хитрецом не числился, но Мускулюса от ужаса бросило в пот. В последнее время старец требовал, чтобы «отрок» сопровождал его едва ли не в сортир. Малефик с легким содроганием припомнил визит в Сорент, где довелось вылушивать злокачественный третий глаз у местного дурачка. Буквально через месяц у стен столицы обнаружилось гнездо черных пересмешников – его пришлось дренировать, отводя вредоносные хихоньки-хаханьки, под бдительным наблюдением Нексуса. А история с проклятием Нихона Седовласца? Беглый химероид, которого ловили всем лейб-малефициумом? Кутерьма со статуей императора Пипина, вдруг начавшей изрекать лже-пророчества?

Андреа терялся в догадках: то ли старец таким образом натаскивает своего будущего премника (тьфу-тьфу-тьфу, спаси-пронеси!..), то ли до сих пор не доверяет «отроку» до конца. Смотрит: не оконфузится ли? Не возропщет?

– Позволь узнать, Серафим: до какого эфирно-астрального слоя была исследована структура личности Биннори?

Среди собравшихся в гостиной лишь супруга Мускулюса могла вот так запросто обратиться к лейб-малефактору Реттии. Красавица-некромантка прекрасно знала: ей сойдет с рук что угодно. И беззастенчиво этим пользовалась.

– Лейб-медикус добрался до четвертого эаса. Никаких патологий не обнаружено.

– Мы имеем прелюбопытнейшую ситуацию, – Матиас Кручек в возбуждении прищелкнул пальцами; энергичный вольт-пасс – и сноп голубых искр едва не прожег скюрток насквозь. – Ох, извините! Увлёкся. Итак, в комплексе «тело-душа-аура» все взаимосвязано. Это пропис-

ные истины. Изменения любой из составляющих триады неизбежно влекут за собой изменения двух остальных. Но в случае с Биннори мы ничего подобного не наблюдаем!

Он ухватил со стола кубок, отхлебнул пунша, давно успевшего остыть, скривился и взмахнул ладонью, заново разогревая напиток. После чего залпом осушил кубок до дна, с удовлетворением крякнул и продолжил:

– Насколько я понял, недуг Биннори – душевного свойства. Бард до крайности рассеян, взгляд его блуждает, речи загадочны. Он забывает принимать пищу, не узнает знакомых, без цели бродит по комнатам или подолгу сидит в кресле. С лица его не сходит тихая улыбка, словно он блаженствует в стране грез. Я верно излагаю?

Некус кивнул.

– Что же при этом творится с телом? Что говорят лекари?

– Они говорят, что телесное здоровье пациента вызывает у них опасения. Не столь сильные, чтобы требовались срочные меры, но... – Серафим в задумчивости пожевал губами. – Налицо изрядная ослабленность организма. Биннори медленно, но неуклонно теряет жизненные силы. Лекари считают, что это вызвано нерегулярным питанием. Лейб-медикус Ковенант с таким выводом не согласен. И я тоже.

– Вот! – приват-демонолог воздел палец к потолку, забрызгав остатками пунша лацканы многострадального сюртука. – Ухудшение здоровья выражено менее ярко, нежели дисгармония личности. Классический эффект запаздывания. Но! – палец вознесся еще выше, а в голосе Кручека зазвенел металл, вне сомнений, благородный. – Существенное изменение ауры должно было последовать без промедления! Фактически синхронно с душевным расстройством. Однако ничего такого не зафиксировано, что делает данный случай поистине уникальным. Кто-нибудь из вас сталкивался с чем-то подобным, коллеги? Я – нет.

– Жаль... – вздохнул лейб-малефактор, старея на глазах; хотя, вроде бы, дальше стареть ему было некуда. – Я искренне надеялся, что вы, коллега, как видный теоретик, просветите нас, сугубых практиков...

– Разумеется, я поищу в архивах описания аналогичных случаев...

Пора брать инициативу в свои руки, решил Мускулюс. Иначе так молча и просидим весь консилиум, время от времени подливая старцу целебной водички. Для храбрости он сделал большой глоток вина, поперхнулся и закашлялся.

– У тебя есть идея, отрок? – обернулся к нему Серафим. – Давай, не стесняйся.

– Я это... ну, в целом я... Судари *коллеги*, – прокашлявшись, выдал пунцовый от стыда Мускулюс, – некоторые симптомы исследуемой болезни кажутся мне знакомыми. Предлагаю рассмотреть их с точки зрения специализации каждого из нас. Мастер Кручек, что вы скажете об одержимости демоном или бесом? Это ведь по вашей части.

– Одержимость?

Кручек устремил взгляд в окно, должно быть, надеясь высмотреть там подходящего инфернала. Увы, в саду, куда выходило окно, демонов не наблюдалось. По дорожке с важностью идиота расхаживал одинокий голубь. Первый желтый лист лениво планировал к земле: лето близилось к концу. Луч солнца, прорвавшись сквозь крону платана, мазнул кистью по лицу приват-демолога.

Тот мотнул головой, став похож на лошадь, отгоняющую муху.

– Некое сходство действительно наблюдается, – признал он. – Поскольку демоны не обладают маной, мана-фактура одержимого практически не меняется. Сдвиги в линиях ауры незначительны. Общее ослабление организма... А вот тут не сходится! Физическая сила одержимого увеличивается многократно. Один *corruptus* на моей памяти приподнял груженую телегу, которая увязла в грязи! В случае Томаса Биннори мы наблюдаем прямо противоположный эффект. Кроме того, демон, овладевший человеком, как правило, деятелен. Он стремится к какой-то цели. А сударь Биннори большую часть времени находится в блаженной прострации... Допу-

стим, в него вселился особый, неизвестный Высокой Науке инфернал. Принципиально новый вид... Нет, маловероятно. Это не одержимость.

Он снова устался в окно. Скоро осень. Начало семестра. Лекции, коллоквиумы, факультативы. Рутинные ученые советы, будь они неладны. Проректор Гиппиус станет доносить напоминания об обещанной монографии. На научные изыскания, как всегда, не хватит времени. Придется работать по вечерам, при свечах. Этот внезапный консилиум – последний дар уходящего лета. Он будит любопытство истинного ученого.

– Спасибо, – Андреа Мускулюс вцепился в инициативу, стараясь не упустить эту скользкую рыбину. – А как насчет эфирной нежити? Дорогая, это твой профиль!

– Эфирная нежить? О да, общая слабость – явный симпто-о-ом!

Низкий, грудной голос Наамы сводил мужчин с ума. А если добавить к голосу остальные несомненные достоинства: фигуру, способную и в мертвеце зажечь огонь страсти, восхитительные ямочки на щеках, голубые озера глаз, русую косу до пояса... При взгляде на такую женщину все миглом забывали, что перед ними – член Совета Высших некромантов Чуриха! И что прозвище свое – Сестра-Могилищица – Наама получила отнюдь не за красивые глаза. А напрасно забывали, напрасно, летя мотыльками на огонь...

Короче, с супругой Мускулюсу исключительно повезло.

– Истечение из тела жизненных сил, мечтательная отрешенность... Веспертил *выпил* бы его за сутки-двое. Связь с суккубарой? Тогда истощение было бы скачкообразным. И ауральная картина дала бы знать... Спектр-заклятие? Оно вгоняет человека в состояние мрачной подавленности. А поэт, по словам нашего дорогого Серафима, счастлив без меры. Есть много способов исподволь свести человека в могилу, – Наама из скромности потупила взор, – но при этом человек никогда не выглядит счастливым. Разве что... Призрак любимой? Вернее, *ложный* призрак?

– Эфирная нежить в облике призрака? – уточнил Андреа.

– Ты умница, милый. Лжец-мимикрант. Ты видишь того, кого хотел бы видеть, тянешься навстречу, а мимикрант вскрывает тебе душевные жилы... Это о-о-очень редкие сущности. Но и случай у нас особенный, не правда ли?

– Насколько мне известно, голубушка, призраки, истинные или ложные, не умеют овладевать людьми, – проскрипел из глубины кресла лейб-малефактор. – Или мимикранты составляют исключение?

– Ну разумеется, они действуют извне.

– В таком случае, – Серафим со значением уставился на опустевший бокал, и Мускулюс поспешил его наполнить, – вынужден разочаровать вас. Я тщательнейшим образом обследовал жилище на предмет возмущений астрала. И что вы думаете? Ни-че-го! В смысле, ничего не обнаружил. Уж призрака или нежить я бы почуял, не сомневайтесь. Порча или сглаз исключаются – это я проверил в первую очередь. Со всей определенностью могу утверждать: *извне* на Биннори никто не покушается. Причина – внутри пациента. Просто мы ее не видим.

Матиас Кручек поежился и глянул на камин, где на чугунной решетке были аккуратно сложены сухие березовые поленья. Сбоку кучкой лежали сосновые щепки с выступившими капельками смолы – для растопки. За окнами царил дивная погода, милостиво сменив палящий зной на благодатную теплынь. Но сейчас по гостиной пронеслось зябкое дыхание зимы, коснулось каждого – и стинуло без следа.

Неизвестность.

Terra Incognita.

Манящая тайна, которая с равной вероятностью может одарить искрящимся фонтаном чудес – либо низвергнуть в ледяные бездны ужаса. К счастью, здесь собрались те, кому не впервой делать шаг во тьму, раздвигая пределы человеческого знания. Близость тайн будила в них дрожь не страха, но предвкушения.

Доцент заглянул в кубок, словно желая обнаружить на дне ответ. Увы, кубок отмалчивался.

– Мне кажется, коллега Наама ближе всех подошла к разгадке. Перед нами проблема, суть которой – вне компетенции Высокой Науки. Поскольку агрессивные воздействия мы исключили, остается одно. Некая сущность, аналогичная ложному призраку, гложет Биннори изнутри. Именно на ней сосредоточено все внимание пациента. Судя по видимым проявлениям, процесс сей достаточно... м-м-м... приятен. Вот почему бард не желает возвращаться из глубин постепенно разрушающегося «эго» во внешний мир.

– Позвольте, коллега! – не выдержал Мускулюс. – Лейб-медикус исследовал тонкую структуру личности пациента! И не обнаружил патологий.

– Вот потому-то я и утверждаю, что мы имеем дело с феноменом, понять и устранить который методами Высокой Науки невозможно. Пока невозможно, – с нажимом повторил доцент. – Впрочем, Высокая Наука имеет свойство развиваться, осваивая области, ранее ей неподвластные.

– Дорогой Матиас, я с вами полностью согласна. Но сейчас речь идет о душевном здоровье и, возможно, о самой жизни Томаса Биннори. Он нуждается в помощи, причем безотлагательно.

У человека несведущего слова прекрасной магички вызвали бы изумление. С чего бы это дама, посвятившая себя некромантии, беспокоилась о жизни и здоровье малознакомого сударя? Однако члены консилиума хорошо представляли, над чем в действительности работают некроты. В памяти Андреа всплыли слова Эфраима Клофелинга, гроссмейстера СВН Чуриха: «Смерть – вот истинный враг! Гибель человека – вот мишень для наших стрел!...»

– Я не маг-медикус, – Кручек в растерянности заморгал, сделавшись похож на филина, разбуженного среди бела дня. – Свои соображения я вам изложил. К сожалению, это лишь гипотеза. И я не представляю, как она может способствовать практическому излечению пациента.

– Выходит, мы бессильны?

– Увы, голубушка, – согласился Серафим. – Но, как я уже сообщил в начале нашей беседы, его величество распорядился пригласить... э-э-э... альтернативного специалиста.

– Эта чушь о «похищении душ»?! – взорвался Кручек. – Варварское шаманство?! Неужели вы не объяснили его величеству, что это антинаучно?! Нельзя строить лечение на замшелых суевериях! Ваш «специалист» сведет Биннори в могилу скорее, чем таинственный недуг!

Нексус выслушал гневную тираду, кивая в такт. Со стороны это выглядело так, будто старец согласен с каждым словом коллеги. Однако, едва лейб-малефактор вновь заговорил, обманчивое впечатление рассеялось:

– У его величества есть свои источники сведений. И они, полагаю, вполне надежны. Смею надеяться, я хорошо знаю нашего монарха – и не припомню, чтобы он пользовался непроверенными слухами. Тем более, когда речь идет о болезни его любимца.

Матиас Кручек прикусил язык. Все ждали продолжения – и оно воспоследовало:

– В ответе на высочайшее имя сообщается, что специалист не гарантирует исцеления. Но твердо обещает, что вреда пациенту причинено не будет.

– Хм... не ожидал, право слово, – буркнул доцент. – Весьма достойный ответ для... э-э... для шамана. Обычно подобные субъекты сулят золотые горы. А тут...

– Если лечение окажется успешным...

Кручек вздрогнул, теряя нить размышлений.

– Если лечение окажется успешным, – повторила некромантка, – следует познакомиться с этим специалистом поближе. И, по возможности, перенять его методику.

– Перенять методику? Ерунда! – с горячностью возразил Кручек. – Сейчас в вас говорит чистый практик, коллега! Если шаман достигнет успеха, нам в первую очередь следует понять принцип! Теоретическую основу его действий. И вот тогда, на базе развитой теории... Извините, я опять увлекся. В любом случае, мне будет крайне любопытно увидеть, как... м-м... альтернативный специалист совершит чудо.

Он невесело рассмеялся, подводя итог:

– Что ж, нам остается только одно: набраться терпения.

Когда гости разошлись, Матиас Кручек сварил себе кофию, расположился на диване и постарался расслабиться. Его одолевала тревога, на первый взгляд, не имевшая под собой реальных оснований. Мерещилось, что он, скромный ученый, чужой волей назначен фигурантом некой истории, задуманной во мгlistых далях, без ведома ее участников, и уже оформившейся до конца в воображении рассказчика.

Это пугало, обрекая на покорность фатуму.

Старею, подумал Кручек. Делаюсь мнительным. Так и не привык к одиночеству, особенно вечерами. Собаку завести, что ли?

* * *

В центральной части столицы имелась масса достопримечательностей самого разного свойства. Первой из них по праву считался Гранд-Люпен, королевский дворец. Начало ему положил Август VI, построив на берегу реки Волчанки охотничий замок, а позже превратив его в цитадель для защиты подступов к острову Сюр-де-Сюр. При Эдварде I замок радикально перестроили, снеся могучие башни, устаревшие и давно бесполезные в смысле обороны. Архитекторы изошрялись в выдумках, превращая крепость в роскошный дворец – возводились колоннады, создавались галереи, разбивались парки. Число фонтанов превысило все пределы разумного. Двор жаловался на вечный насморк – от водяной пыли дамы и кавалеры чихали круглый год. Десятки залов отводились для хранения коллекций – король обожал собирать медали, расписные плафоны, пюпитры для чтения, с легкостью бросая прежнее увлечение ради нового.

Архитекторов Эдвард тоже менял, как перчатки, частенько забывая выплатить гонорар. Но прозвище Щедрый он получил не за это, а за амурные похождения, где отличился на поприще увеличения числа верноподданных.

Любоваться Гранд-Люпеном вы могли сколь угодно долго и совершенно бесплатно – но снаружи, сквозь чугунную ограду. На территорию дворца зевак, понятное дело, не пускали. Да зеваки не очень-то и рвались, завидев у ворот стражу – детин с сажеными плечищами, чрезвычайно неприветливых и вооруженных до зубов. Цокая языками, охая и ахая, восторгаясь шпильями и стрельчатыми арками, ротозеи – большей частью, приезжие – отправлялись дальше. Миновав сквер Пылких Любовников и тюрьму, где кое-кто задерживался, желая обозреть камеры пыток и поучаствовать в дегустации вин (идея казначея Пумперникеля, изыскавшего таким образом дополнительные средства для содержания преступников), гость столицы с неизбежностью выбирался на проспект Вышних Эмпиреев, и по нему – на площадь перед Университетом Магии.

Здесь проголодавшихся манила ресторация «Гранит наук», где преподаватели коротали время между лекциями. Зато молодежь, выйдя из стен alma mater, волнами растекалась по окрестным улочкам. Булыжник мостовых студенты успевали изучить куда быстрее, нежели азы избранных дисциплин. И то сказать: азы азами, а улочки были примечательны обилием питейно-закусочных заведений. В аустерии «Шустрый василиск» жарили дивные шпикачки, вымоченные в слюне единорога. Траттория «У папы Карло» славилась кручениками из рыбы-

плаксы. «Медальон кокотки» баловал клиентов груздями-прыгунцами, возбуждающими аппетит. Кабачок «Разгуляй» поил в долг: «Слеза лешего» – душистая, крепкая, в стопках-наперстках; сладкое «Гулякандоз», если верить зазывале, доставляли контрабандой из Турристана...

Но более всего студенческой братии полюбилась таверна «Шляпа волхва», что в Грифоньем переулке. Два квартала по улице Соизволения, направо за лавкой ритуальных услуг – и вот она, «Шляпа». Захочешь – не промахнешься. Не случилось такого, чтобы без пяти минут маг с дипломом – во тьме, спьяну, заклятьем по темечку шарахнутый – мимо прошел. Профессура «Шляпой...» брезговала; прогуливая лекцию, ты не боялся нарваться здесь на куратора.

Тут подавали отличное пиво: светлую «Благодать» и темную «Демонессу». Сплетничали, будто рецепт «Демонессы» основатель «Шляпы...» получил непосредственно от Нижней Мамы, как залог страстной любви. Сказка или быль, но заказав три пинты «Демонессы», ты бесплатно обретал деликатес: плоску гороха со смальцем. А поскольку редко какой студент разменивался на меньшее, нежели галлон, то чавкали вечно голодные чародейчики от души.

И наконец, «Шляпа волхва» имела снисхождение к проказам. Буяньте на здоровье – только, чур, мебель не ломать. Ну да, здешние столы поди сломай: столешницу не всякий тролль лбом перешибет! А за битую посуду студюзусы честно расплачивались в складчину, боясь ссоры с Франтишекком Подшкварком – ибо добродушие хозяина имело пределы.

«Узреть Подшкварка в гневе, – наставляли старшекурсники зеленых первогодков, – страшнее, чем Горгулье сопромог сдавать! Пикнуть не успеете, как он вас нашинкует, протушит и чесноком заправит...»

Сейчас в «Шляпе...» царила тишь да гладь. Лекции начинались на следующей неделе, большинство учащихся еще не съехало в столицу, догуливая последние деньки перед семестром. Солнце перевалило за полдень, яичным желтком стекая к закату по дочиста выскобленной сквороде неба. Время стояло ленивое: для обеда – поздно, для ужина – рано.

Тем не менее, таверна не пустовала. Общими усилиями сдвинув два неподъемных стола, полторы дюжины вчерашних абитуриентов праздновали поступление в Универмаг. Света из оконца, которое уместилось под самым потолком, выходя на улицу вровень с мостовой, им не хватало. На столе горели масляные плоски, бросая охристые блики на батарею пузатых кружек – гуляки окопались надолго.

– Тебе хорошо, ты по коллежской квоте шел, – кипятился востроносый парень, обладатель щегольской клетчатой жилетки в багрово-аспидных тонах. – А меня всей комиссией валили! Тетка еще ничего... Космогонией пыталась: Квадрат Опоры, Овал Небес, ярусы геенны, то-сё. Нормально. А толстяк как взял за душу...

– Тетка, между прочим, Горгулья. На зачетах хуже василиска.

Знаток выглядел старше остальных: лет тридцать, не меньше. Он отер пивную пену с усов, придвинул к себе миску с овощным рагу и начал есть с обстоятельностью крестьянина. Кажется, он один позаботился взять закуску.

– Да чего там, душевная тетка! Подход надо к женщинам иметь, и хоть сдавай, хоть сдавайся! – востроносик лихо взлохматил смоляной чуб. Пламя свечей на миг сверкнуло в его лукавых глазах. – Верно, Хельга?

Девушка, тихо сидевшая напротив юного бабника, была погружена в собственные мысли. Когда ее окликнули, она вскинула голову, машинально отпила из малой кружечки и закашлялась.

– Вот это подходец, Клод! Это я понимаю! – заржал патлатый нахал во главе стола. На месте верхних резцов у него блестели золотые «упырьки». – Как бабы на тебя глянут, так у них в зобу дыхание спирает! Небось, и Горгулью приворожить успел? Зачем тебе диплом? Иди диссертат защищать!

– Диссертат для Клода – мелковато!

– Его в Коллегиум Волхвования умоляют – главой Капитула!

– Ага! Он ведь *подход имеет!*..

Клод миролюбиво выслушивал подначки, улыбался с отменным добродушием – и под шумок успел пару раз перемигнуться с румяной Марысей Альварес из Нижней Тартинки. Они познакомились месяц назад, на абитуре: оба поступали без льгот и квот, сдавая собеседование по полной программе. Он – из семьи зажиточного владельца портняжной мастерской, она – дочь капитана торговой шхуны.

Согласно семейной легенде, в предках Альваресов числились дипломированные чародеи. Возможно, легенда и не врал: дар к колдовству у Марыси обнаружился с детства. Девчонкой она стала брать уроки у приятеля отца – заклинателя ветров по прозвищу Суховея. Как его звали на самом деле, никто в порту не знал: Суховея, и ладно. Нехитрому арсеналу «дуновений», а также умению мастерить простейшие амулеты, вроде «фарватера» или «ветрянки», заклинатель обучил Марысю за три года. Далее взялся натаскивать девчонку в азах теории – где, по правде, и сам был не силен. И вдруг замшелая истина: «Учитель плавания может стоять на берегу!» – проявилась во всей красе. Семь месяцев зубрежки ненавистных «Принципов чаровой комбинаторики» – и в кудрявой головушке Марыськи забрезжил свет.

Это оказалось проще пареной репы: соединить одно с другим, усиливая эффект. Главное – найти верную «склею», или «юнктуру», как писали в книжке. Таблица типовых примеров «юнктур» приводилась в конце, чем девочка и воспользовалась. В итоге над Нижней Тартинкой объявилась невинная, похожая на медведя тучка, пролившись дождем из обожаемого Марысей клюквенного киселя. Нижнетартинцы долго ругались, отстирывая одежду, а испуганная колдунья отсиживалась дома, боясь высунуть нос на улицу.

К чести Суховея следует сказать, что ученицу он не выдал, и даже бранить не стал. Видел: капитанская дочка и так дрожит от страха. Проявив талант педагога, он угодил «в яблочко»: с этого дня учеба двинулась вперед семимильными шагами. Эксперименты Марыся продолжила, но теперь, прежде чем испытать новенькую «дрючку», всякий раз бежала к учителю: советоваться.

Через год она уже выходила в море на пару с Суховеем. Усмиряла малые ветра, пасла волны, предсказывала погоду; определяла курс в тумане или беззвездной ночью, когда небо затянуто стеганым одеялом туч; приманивала косяки сельдей, а кракенов и вредных ихтиандров, наоборот, отваживала...

Все книги по магии, какие нашлись в скудной библиотеке Суховея, а также три фолианта, привезенных отцом под заказ, Марыся прочла от корки до корки. Ночью разбуди, отбарабанит без запинки! Однако превращения в мымру-зубрилку, чей мир – пыль свитков и флаконы с зельями, она избежала. У веселой, полной озорства Марыськи (для кое-кого – Марысечки и Марысенки!) всегда находилось время и с подругами язычок почесать, и на танцульки сбегать.

Когда только успевала?!

Ей исполнилось шестнадцать, и у Суховея состоялся серьезный разговор с капитаном Зигмундом Альваресом. Заклинатель намаялся за последние годы: девочка стала девицей, а Суховея понятия не имел, как рассчитывать влияние женских циклов на динамику чар, и очень стеснялся.

– Твоей дочери нужно систематическое образование. И диплом, – взял он быка за рога. – Нас, темпесторов, мало. С дипломом малышку возьмут даже на военный фрегат. Дальние страны, хорошее жалованье... А захочет сидеть дома – станет главной заклинательницей порта. В любом случае, без диплома тут никак.

– Понимаю, – Альварес надолго задумался, дымя трубкой из вереска. В силу профессии он редко бывал дома и для дочери рад был расшибиться в лепешку. – Значит, Реттия? Универмаг?

– Ты хороший отец, Зигги.

– Деньги на обучение я найду. Но...

– Не волнуйся. Она справится.

Суходей не был ясновидцем, но оказался прав: капитанская дочка справилась.

– ...а я тебе говорю: он меня нарочно валил!

– Ха! Если б он тебя валил, ты б уже вещички паковал – домой ехать!

Спорщики никак не могли успокоиться. «Демонесса», оправдывая название, бурлила в крови, вызывая в памяти драматические картины собеседования. Зачислили далеко не всех: конкурс в Универмаг был изрядный. И теперь возбужденные победители заново переживали коллизии испытания, делаясь подробностями.

– ...А он мне: приведите практический пример! Ну я и привел. Саламандру вызвал!

– Саламандру?! Ты б еще бабаэля вызвал!

– Демоны – это третий курс. Демона я не умею. А саламандру – запросто! У меня ж вопрос по стихии огня был...

– А он?

– А он бровью двинул – и нет саламандры! Вы мне, тут, говорит, еще пожар устройте! У меня тут, говорит, казенное имущество. И этим... вульгарным эмпириком обозвал.

– А меня только по теории спрашивали, – робко подал голос мальчик в аккуратном, кое-где заштопанном камзолчике. – И то чуточку.

Его кружка с пивом стояла нетронутой. Похоже, будущий маг хмельным раньше не баловался и опасался последствий. Впрочем, причина могла быть и иной: мало кому пиво нравится с первого раза.

– Ты ж, небось, по квоте шел. По квоте не собеседка, а лафа!

– Ага, лафа, – проворчал бывалый усач. Он выскреб коркой хлеба подливу, дождался тишины и продолжил: – Чтоб лафу заработать, до седьмого пота пахать надо...

– Верно, – поддержал его востроносый Клод, забыв, как вначале хвалился перед квотниками. – Ее, матушку, задарма не получишь. Ни от Коллегиума, ни, тем паче, королевскую стипендию. Я знаю...

– Что, не дали? А как же твой *подход*? – патлатый нахал чуть не лопнул от хохота. – Или бабы нужной не подвернулось?

Марыся сердито зыркнула на хама. Вот же балбес! «Вякни еще разок – я тебе отсыплю фунт лиха с закруткой!» – решила капитанская дочка, готовясь к вызову миниатюрного торнадо. Но щелкнуть пальцами она не успела. Девушка и не предполагала, что в этот миг она входит в историю. В самовластную, незваную историю, которая без спросу вторглась в «Шляпу волхва». Слышите? Стук входной двери. Глухое звяканье колокольчика. Торопливые шаги – жеребячий суматошный галоп по ступенькам.

Конечно, слышите.

Из песни слова не выкинешь. Точно так же не выкинуть человека из истории, пускай он – чужой человек в чуждой ему истории. Зацепило краешком – все, увяз мухой в варенье. И не выберешься, пока история сама не сочтет нужным отпустить тебя и прошествовать дальше, мимоходом вовлекая в танец других бедолаг. Это люди то и дело что-нибудь не успевают. А серьезные дамы – История, Судьба и их сестры (не к ночи будь помянуты!) – никуда не спешат и никогда не опаздывают.

– Вы не поверите!

Молодой человек в куртке нараспашку, разгоряченный от быстрого бега, влетел в зал с такой скоростью, что сумел остановиться, лишь с разгону упершись руками в стол.

– Я из деканата! – торжествующе выпалил он, задыхаясь, и умолк, глотая пиво. Кружка принадлежала усачу, но тот даже не возмущился, настолько был заинтригован. – Из деканата... я... списки смотрел!..

Вестник отер губы тыльной стороной ладони.

– Знаете, кто будет учиться с нами на одном потоке?!

Caput III

*Лихой подарок – бег времен,
Старт – жизнь, и финиш – труп,
Вот за спиной – век знамен,
Вот за спиной – век имен,
Вот прожит век, где я умен,
И начат век, где глуп.*

Томас Биннори

Ночью громада Универмага производила страшноватое впечатление. Вознеслась к звездам башня астрологического отделения, выпятив площадку обзора; сегменты корпусов, разбросанные на первый взгляд хаотично, с флангов загнулись клешнями лабораторий, напоминающая гиганта-скорпиона, ждущего в засаде. Днем впечатление пропадало, сглаженное касаниями солнца или струями дождя, а главное – толпой народа, желающего приобщиться к Высокой Науке. Но вечер сгушался, набирая бархатистой темноты, как выдержанное вино – крепости и аромата, звезды усеивали небосклон, и месяц секирой палача нависал над Реттией...

– Ух ты! – восхитился некий парнишка, бойкий не по возрасту, задержавшись перед университетом. – Аж жуть... Ты гляди, вон и глаз!

Глазом он назвал окно кафедры теормага – там горел свет.

– Выкуси, зараза!

Без злобы, исключительно по широте натуры, парнишка сунул в адрес окна кукиш, такой замечательный, что ему следовало бы находиться в музее, и припустил со всех ног. Мало ли, шарахнут в ответ молнией, либо из самого фигу скрутят – голову промеж ног, и пиши пропало... Крис-Непоседа, приемный внук бабушки Марго, сейчас впервые затесался в историю лично – и спешил удрать, пока его не приставили к делу.

При талантах Кристиана истории – не лучшее место для обитания. Оглянуться не успел, а тебя за ушко да на солнышко, и казенный бичеватель с кнутом похаживает...

Страхи парня были необоснованны. Во-первых, история строга, но справедлива. Без нужды она никого за ушко не хватает. Во-вторых, доцент Матиас Кручек, а это он жег свечи в пустом кабинете, меньше всего собирался швыряться молниями. Задержавшись в Универмаге, Кручек предавался занятию, которого избегал всю жизнь – читал стихи.

Днем он приобрел в лавке букиниста томик поэзии за авторством Томаса Биннори. Глух к изящной словесности, приват-демонолог знал за собой такой грех. Все поэты для него были в определенной мере душевнобольными, и Биннори – не исключение. Но хворь барда-изгнанника являлась вызовом научному естеству доцента, а в стихах он надеялся найти зацепки для гипотез. Так сыщик кружит по месту преступления, присматриваясь к пустыковинам:

«А вдруг?.. а если?!»

К сожалению, засидевшись над балладами и миниатюрами, Кручек не вынес особой пользы. Кроме окончательного уверения: да, Биннори скорбен разумом, и странно, что он не рехнулся давным-давно. Вот, например:

– Мы, поэты,
Голы
Как глаголы.

Скажите на милость, может ли здравомыслящий сударь заявить такое? Голы, как глаголы? А местоимения, значит, носят штаны? Наречия – платья с оборками? Существительные

щеголяют в приталенных камзолах? «Чародеи золы, как камзолы, – съязвил доцент, и сразу поправился: – Нет, иначе. Чародеи злы, как... как...»

Напрашивающаяся рифма ему не понравилась, и он вернулся к Биннори. Типичная мания преследования. Обремененная тягой к самоубийству. Плюс искажения в картине мира. Факт налицо:

– Шагай за мной, человек мой черный,
Криви в усмешке сухие губы,
Твои движенья смешны и грубы,
Тебе поют водостока трубы,
Тебе метали лещи икру бы,
Когда б икринки – размером с четки,
А так, по малой – сдувайте щеки...

Матиас Кручек представил себя, идущего по тротуару, скользкому от икры великанов-лещей, в сопровождении черного человека, который делает смешные и грубые движения под аккомпанемент органа водостоков – и еле слышно хихикнул. Впрочем, он тут же укорил себя за нечуткость. Поэт, не поэт, а Томас Биннори тяжело болен, огорчая его величество.

Надо искать причину. Врач очищает нарыв от гноя, отставив прочь брезгливость и укоры больному, запустившему ерундовый порез. Отложив стихи, он взялся за «Историю Западного Эйлдона».

«Томас Биннори (ап-Биннори, Том Рифмач), бард. По слухам, в юности был похищен королевой фей, с коей и провел долгое время (по разным версиям, от трех до семи лет). Опрос эйлдонских фей факта похищения не подтвердил, но и не опроверг. Позднее на почве ревности Биннори убил в поединке Давида ап-Мэшима, оруженосца сэра Ричарда Виолле, и, заплатив виру, отделался изгнанием из страны...»

Тоскует по королеве? Чахнет от любви? Ну, допустим. Запросить Эйлдон? – пусть свяжутся с владычицей тамошних феечек, от лица Эдварда II попросят уделить влюбленному поэту минуту внимания, получают согласие, договорятся с властями об отмене изгнания, привезут Биннори на берег реки или на опушку леса, куда там велит королева...

Кручек почувствовал себя идиотом.

– Доцент Кручек? – ожило на стене связанное блюдо, спасая приват-демолога от неприятных чувств. По фаянсу с цветным изображением «Очарования», тюрьмы для магов, шустро катился нитяный клубочек. Там, где он прошел, тюрьма сменялась интерьером ректорского кабинета. – Это секретарь Триблец. Извините за поздний вызов. Я знаю, что вы еще на кафедре...

– Пустяки! – успокоил секретаря доцент, обрадован возможностью отвлечься. – Вы меня совершенно не беспокоили!

– Нет-нет! – упрямылся Триблец, возвышая голос. – Я знаю, что мне нет прощения. Вы искали решение теоремы Ярвета-Шпеерца, или сражались с неприводимыми представлениями Лоренца, а тут я...

– Ничего подобного! Я... ну, это... стихи читаю...

– Напрасно вы меня успокаиваете, доцент Кручек. Вина моя очевидна. И тем не менее...

– Сударь Триблец, я рад вам в любое время суток!

– Ну хорошо, – сдался упрямый секретарь. Он, словно вампир – приглашения в дом, всегда ждал, пока его трижды убедят в приятности визита. Ректор, как ни странно, поощрял такую особенность характера Триблеца, пряча жалобы под сукно. – Пожалуйста, спуститесь в ректорат. Вас ждут.

Заперев кафедру, Кручек отправился на поиски ректорского кабинета. Это было не так просто, как могло показаться. Кое-кто из студентов (и даже из молодых преподавателей) все-ррез полагал, что ректорат самозарождается в недрах Универмага, как мышь – в корзине с грязным бельем, чтобы созреть, пережить период распада и вновь объявиться в совершенно другом месте. Фантазеров не разубеждали. А главное, не спешили объяснить, что если снять клубочек со связного блюда и покатить перед собой, держась за кончик нити...

Если каждый начнет ходить к ректору, когда вздумается – далеко ли до идеи всеобщего равенства?

Сегодняшняя ночь выдалась удачной – всего лишь после двадцати минут скитаний Матиас Кручек остановился у двери с табличкой: «Хайме Бригант, ректор». В приемной доцента ждал секретарь Триблец – взъерошенный и несчастный.

– Будьте осторожны, – шепнул он. – Они не в духе.

Кручек не придавал сказанному значения. Если верить Триблецу, ректор родился не в духе, и таким собирался умереть. Постучавшись, он дождался басовитого: «Да-да, прошу!» – и вошел в кабинет. Со стенных полок на гостя уставились пуговицы глаз – чучела василисков, химер и фениксов изучали вошедшего. Таксидермия бестий числилась первой среди многочисленных увлечений ректора. Ходили слухи, что Хайме Бригант, оставшись в одиночестве, спрашивает у чучел совета и руководствуется их мнением при управлении Универмагом.

– Я рад видеть тебя, Матти...

Судя по унылому виду ректора, он лгал. Но уже следующая фраза развеяла подозрения, объяснив все: уныние, поздний вызов, предупреждение секретаря.

– Час назад от меня ушла профессор Горгауз. Мы обсуждали проблемы, возникшие при наборе первого курса бакалавратуры. Матти, она хочет отказаться от кураторства!

Без посторонних они обращались друг к другу на «ты» – приват-демонолог Матиас Кручек и толкователь снов Хайме Бригант. Есть такая дружба, которая на шаг отстаёт от «закадычной», но давным-давно опередила и «близкое знакомство», и «взаимную симпатию». Это к Хайме обратился Матиас с просьбой растолковать сны с частым явлением Агнессы-покойницы, жены Кручека, умершей после родов от грудной горячки – к кому другому он бы постеснялся явиться с интимной просьбой. Это Хайме шесть раз подряд, едва не надорвавшись, посещал заказанные сновидения – тихо сидел в уголочке, шмыгал знаменитым носом, похожим на баклажан, а после вернулся в реальность, отдышался, взял в винной лавке бутылку мускателя, явился на ночь глядя в дом Кручека, обождал, пока приват-демонолог достанет кубки, и сказал:

«Нечего тут толковать, Матти. Однолюб ты, вот и все толки. Давай выпьем, что ли?»

На следующий день Хайме пригласил доцента к себе в мастерскую, где делал чучела. Там он битый час кряду рассказывал о каркасах, сетовал, что макет камелопарда в натуральную величину, выполненный из сырой глины, весит полторы тысячи фунтов, а плотный торф для формовки черепов не найти днем с огнем... Кручек слушал, поддакивал, восхищался или сочувствовал – и главное, старался не показать, как растроган доверием ректора.

Людей, допущенных в святая святых, можно было сосчитать по пальцам. А тех, с кем Хайме обсуждал проблемы таксидермии – по пальцам одной руки. Но дело не в том, что ты попал в число избранных, а в том, что Хайме утешал, как умел.

– Что с Исидорой?

Исидора Горгауз, для студентов – Горгулья, была в Универмаге притчей во языцех. Во-первых, ослепительно красивая старая дева – редкость из редкостей. Во-вторых, мелкая дворянка из провинции, которая, сбежав от бедных, но гордых предков, выучилась на бранного мага, воевала, сменила квалификацию на укротительницу джиннов, опечатала сотню-другую кувшинов, заслужила личную благодарность тирана Салима, рьяного женоненавистника, внезапно оставила практику, защитила диссертат, сделалась преподавателем, втолковывая лоботрясам основы теормага, и далее, как по писаному: автор трех учебников, доцент, профессор

– короче, такая биография дорогого стоит. Сочинители авантюриетт за такую биографию удавятся. А Горгулья сразу предупредила одного бойкого шелкопера: хоть главку, хоть страничку, хоть я под другим именем, хоть ты под псевдонимом – удавлю.

И, говорят, удавила.

– Ты списки видел? – вместо ответа спросил Хайме.

Списки лежали на столе. Взяв их, Кручек углубился в чтение. Так, тридцать два человека зачислено. Двадцать контрактников – эти оплачивают обучение сами или из родительских кошельков. Семеро королевских стипендиатов – великолепная семерка, невесть чем заслужившая высочайшую милость. Пять студентов идут по квоте Коллегиума Волхвования – здесь все ясно, птенцы кого-то из великих, опытные, натасканные, готовые чародеи, чья нужда лишь в дипломе.

Ничего особенного, обычный состав.

После трех лет обучения, получив степень бакалавра, все они могли выбирать: учиться дальше на магистра, определившись со специализацией – или вернуться домой и заняться колдовским промыслом, подкрепив репутацию дипломом. Случалось, диплом, заключен в резную рамку, вешался на стенку, а вчерашний бакалавр Высокой Науки продолжал семейное дело – содержал красильню, адвокатствовал либо разводил скаковых лошадей – изредка, навеселе, бахвался «золотыми студенческими годками».

– Еще раз посмотри, – дал совет ректор. Он видел недоумение Кручека. Что вызвало неудовольствие Горгульи, да еще такое, чтобы она пригрозила отказом от кураторства, оставалось для доцента загадкой. – Среди королевичей.

Королевичами в университете звались стипендиаты короны. Кручек, не возражая, перечитал заново: Иштван Пулярец, Гастон д'Аренвиль, Келена Строфада, Дердь Габо... стоп!.. Келена Строфада...

Его обширная память хранила самые разнообразные сведения. В пыльном углу валялся и мелкий, обгрызенный по краю фактик: обитатели Строфадской резервации, выбираясь во внешний мир, часто берут название родных островов в качестве фамилии. Еще доцент помнил кое-что из мертвых языков, вызубренных в начале карьеры. Достаточно для элементарного перевода:

Келена Строфада – Мрачная с Островов Возвращения.

– Альтернативный специалист? Шаман, откликнувшийся на просьбу его величества? Так вот, значит, кто ты...

– Иди спать, – посоветовал ректор, морщась. – Горишь на работе, вон, уже бредить начал. Шаманы мерещатся. Мне одной Исидоры хватает, для счастья.

Доцент перегнулся через стол, горой нависнув над щуплым Хайме.

– Ты помнишь колье Горгульи? Ну, герб в центре?

– Разумеется. А что?

Колье было неотъемлемой частью профессора Горгауз. Она носила его всегда и везде. Злословили, что украшение – часть тела, в которой скрывается корень скверного характера Горгульи. Фамильная драгоценность: серебро, черные алмазы, и в центре, на короткой цепи – эмалевый герб.

– Забудь про шамана. Это тебя не касается.

– А что меня касается? Душевное расстройство коллеги, от которого я ждал помощи?

– Геральдика.

– Да при чем тут геральдика, скажи на милость?!

– Герб Исидоры. Центральный символ, согласно трактовке Джона Гилема, означает: «Свиреп, когда спровоцирован». Такие гербы даровали храбрецам, отличившимся в Плотийских войнах. Теперь ты понимаешь, отчего она не желает преподавать этой... как бишь ее?! – Келене Строфаде? Зов крови, Хайме, отголосок былых свар...

Ректор вздохнул. Отстранив возбужденного Кручека, он взял из вазочки желтую гвоздику и заложил за ухо. Это выглядело бы смешно, не знай оба, что у толкователей снов – свои способы копить ману. Гвоздики, особенно махровые, гнали дрему прочь. С цветком за ухом Хайме мог не спать трое суток кряду.

– Дорогой мой, я это знал с самого начала. Между прочим, знал тихо, спокойно, не брызжа слюной в лицо приятелю и, как ни крути, руководителю. У тебя есть добрый совет? Если нет, прием закончен. Мне и без твоего остроумия тошно. Горгулья требует, чтобы я отказал в обучении королевскому стипендиату! Проклятье, я между молотом и наковальней...

– Совет есть. Разбей первый курс на две группы, и поставь двоих кураторов. В приказе упомяни: «Под главенством профессора Горгауз...» Иначе Исидора съест напарника без соли. Ей предложи снять с себя учебную нагрузку. Если она согласится, я готов станцевать джигу у тебя на столе, во время ученого совета. Потом...

– После твоей джиги?

– Нет, после ее согласия на дробление курса. Ты скажешь Исидоре, что все индивидуальные занятия, лабораторные работы и практикумы в группе, где станет учиться эта злополучная Келена, возьмет на себя второй куратор. Тут она непременно согласится. Хотя сперва выпьет у тебя галлон крови, это уж к гадалке не ходи.

У ректора заблестели глаза – и сразу погасли, словно у чучела василиска, когда в пуговицах на миг отразилось пламя свечи.

– Ты гений, Матти. Добавлю: ты – гений-теоретик. Ты все разложил по полочкам, не назвав одной, ключевой мелочи. Кто тот безумец, тот самоубийца, который захочет стать вторым куратором под началом разгневанной Горгульи?

Матиас Кручек отобрал гвоздику у ректора, с хрустом обломал стебель и вставил цветок себе в петлицу сюртука.

– Я, Хайме. Твой покорный слуга.

Покидая ректорат, раскланиваясь с секретарем Триблецом, доцент не мог отделаться от неприятного воспоминания. Года три назад, подвыпив, Хайме Бригант сетовал ему на несовершенство законодательства. В частности, ректора удручал закон, принятый еще в царствование Пипина Саженого, который – закон, а не император! – запрещал изготавливать чучела из хомобестий.

Разум здесь не служил мерилom. Фениксы тоже разумны. Определяющим фактором, как ни странно, работала внешность. Если в существе присутствовал элемент человеческого, проявленный в должной мере – мертвого китовраса, русалку или, скажем, псоглавца следовало хоронить в земле или сжигать на костре, или иным образом выполнять традиционный для покойника обряд погребения.

– Ну почему? – чуть не плакал Хайме.

– Это же очевидно, – возразил тогда Кручек.

– Очевидно, – согласился ректор. – Но для искусства таксидермии – невосполнимая потеря.

Толкователи снов всегда отличались оригинальностью выводов.

* * *

– Зачем-зачем... По уставу положено!

Бородач-стражник отмахнулся от напарника, как от мухи-надоеды. Напарник был молод, зелен и пупырчат, служил без году неделя – и каждую минуту приставал с вопросами. Традиция: желторотики чистят ветеранам сапоги, а ветераны учат молодежь жизни. Казалось бы,

вполне справедливая плата. Однако в случае с юным Тибором Дудой старший караула всерьез усомнился в справедливости мироустройства.

Говорят: повезет, так и петух снесет. А не повезет, так в ягодицу клюнет. Фортуна, драть ее на лыко! – угодить в одну смену с отъявленным болтуном! Да еще к Малым Угловым. Самые никчемные ворота. У всех названия, как названия: Пипиновы, или Небесные, или хотя бы Гиббса-Дюгима-Льюиса-Маргулиса. А тут просто в рожу плюнули: Малые Угловые. За день три калеки пройдет – толпа; телега проедет – событие! Валил бы народ, недосуг Дуде было бы вопросами сыпать, что маком из дырявого мешка...

– Но ведь уставы мудрецы пишут?

В вопросе шебуршала явная каверза.

– Ясен дрын, мудрецы.

– Значит, и алебарды нам от великой мудрости положены. Вот теперь и разъясни мне, скудоумному: отчего как стражник – так непременно с алебардой? Не с мечом, не с саблей, не с палашом...

– Не с языком до пупа...

– ...не с копьем, не с шестопером...

– У тебя не алебарда, – безнадежно попытался старший увести разговор в сторону. – У тебя глефа, драть тебя на лыко...

Он с тоской покосился на сторожевую башенку. Там хранились арбалеты с запасом болтов, и аркабаллиста – поломанная, но грозная с виду. Еще в башенке дремал третий караульщик их смены. Эх, надо было на верхотуру лезть, а Густав бы тут отдувался...

– Да хоть протазан! – не попался на удочку Тибор, проявив внезапные познания в древковом оружии. – Один хрен – алебарда. Почему?

Старший внимательно изучил свои сапоги. Надраены до блеска, придраться не к чему. Надо отвечать. Он заворочался на скамейке, устрояясь поудобнее. В конце концов, должен же кто-то наставлять сопляка?

– Вот представь себе: подъехал к воротам всадник. Все чин-чинарем. Ты ему: кто таков, откуда, по какой надобности? А он вместо ответа коню – шпоры, и мимо тебя в город. Твои действия?

Тибор в растерянности заморгал. Россыпь веснушек ярче проступила на бледных щеках. Чувствовалось: парень не на шутку переживает. Костями готов лечь на боевом посту.

– Дорогу заступлю!

– Дурачина, – усмехнулся бородач. – Он тебя конем снесет. Скажи спасибо, если жив останешься. Да и не успеешь, ежели он с места в галоп рванет.

– Буду орать: «Стой!». Тебя на подмогу кликну.

– Уже лучше. Орать – святое дело. Ты, значит, орешь, я бегу, а он, подлец – вдоль по улице. За угол свернул, только мы его и видели. Ищи-свищи гада в городе. Кто виноват? – караул виноват, ясен дрын! Прошляпили. Думай, шевели ушами!

Пока Тибор потел, сдвинув каску на затылок и запустив пятерню в рыжие вихры, бородач размышлял, что все-таки это правильно – ставить желторотиков на Малые Угловые, где отродясь ничего не случалось. Пусть сперва пооботрется, узнает, почем фунт лиха – а там уж...

– Догадался! – просиял Тибор. – Орать «Стой!» – и глефой его, вражину!

– Ну вот, дошло наконец.

– Все равно не понимаю! – упрямо насупился юнец. – Копьем ткнуть – раз плюнуть. А нашей дурой пока-а-а размахнешься...

– Бестолочь!

С неожиданным проворством старший вскочил со скамейки и выхватил глефу из рук оторопевшего Дуды. Замахиваться ему не потребовалось. Глефа, словно ожив, лихо присвистнула и очертила в воздухе сверкающий полукруг – наискось, снизу вверх.

- Ух ты!
- Теперь понял? И не рубить, а цеплять. Крюк видишь?
- А за что цеплять?
- Ну ты и стоерос! Ясен дрын, за кошелек. У всадника завсегда на поясе кошель болтается. Ты его зацепишь, конь рванет, тесемки и лопнут.
- А дальше?
- А дальше пусть скачет себе. Кому он без кошеля нужен?
- А если он вернется?
- Чего ему теперь возвращаться? Денежки все равно на штраф уплывут...
- А как нас разбранят?
- Да с чего нас-то бранить, если мы поделимся...
- Эй, мудрецы! – донеслось со сторожевой башенки. – Гляньте: летит кто-то...

Стражники, как по команде, задрали головы и уставились на башню. Не обнаружив там ничего достойного внимания, подняли взгляды выше. На сей раз первым сориентировался молодой. Нахлобучив каску, он выбежал за ворота – чтобы городская стена не мешала обзору – и приложил ладонь козырьком к глазам.

- Птица летит, – с разочарованием протянул он. – Мелочь.
- Мелочь? Ты расстояние прикинь.
- Ой! И верно... Орел, что ли?
- Может, и орел... Хотя нет, орлы поменее будут.
- Грифон?!
- Хорош гадать, Дуда. Подлетит поближе – увидим.

Из башенки донесся скрип взводимой тетивы.

Загадочный летун приближался к городу со стороны Тифейского побережья, скрытого утренней дымкой. Блудная химера? Вряд ли... Севернее открывался вид на малахитовую зелень Глухой Пуши – та убегала прочь, кое-где прерываясь вкраплениями золота и киновари. Ближе к столице лес заканчивался, уступая место обширным полям, а там и предместьям, меж которых вилась пыльная дорога, пустынная в ранний час.

Впрочем, нет. Одинокая фигура, шагая с размеренностью бывалого ходока, оживила дорогу как раз в тот момент, когда стражники глазели в небо.

- Вроде, снижается...

Летун, раскинув крылья, заложил широкий вираж – и камнем спикировал к воротам, подняв вихрь пыли. Встряхнувшись, гость вразвалочку заковылял к стражникам. Тибор отчаянно вцепился в древко глефы, так, что побелели костяшки пальцев. Лицо парня исказила гримаса – смесь страха, мальчишеского восторга и недоумения.

- Что... что это за тварь?!

И впрямь, было отчего прийти в изумление. «Тварь» удалась невысокой – локтя три, человеку по грудь. Крылья, сложенные за спиной, сутулили фигуру, из-за чего существо казалось еще ниже ростом. Грудь и живот, отдавая дань морали, прикрывал корсет со шнурованным лифом. Формы, которые лиф частью скрывал, а частью – и какой частью! – преподносил зрителям в откровенном декольте...

О, эти дивные формы! О, аппетитные округлости! Один взгляд на два снежных холма, и крылья уходили на второй план, если, конечно, вы – Тибор Дуда, парень в самом соку! А если поднять глаза от восхитительного бюста, и посмотреть «твари» в лицо – все, прилетели, крылья, не крылья, когти, не когти, да хоть павлиний хвост, женюсь, и баста!

Есть на свете красота, от которой пробирает озноб. Туповатый парняга-страж от нее делается поэтом, судорожно роясь в памяти – где образы и сравнения, достойные увиденного? Лик статуи, выточенный из слоновой кости. Темный, влажный агат глаз. Рот – алый лук, цветочные стрелы. Тонкая линия носа, хищный трепет ноздрей. Арки бровей иссиня-черны, и над ними,

контрастом, обжигающим до морозного холодка в затылке – лоб, высокий и чистый. Кудри цвета воронова крыла зачесаны назад и стянуты тонкой сеткой – чтобы озорник-ветер не растрепал их в поднебесье.

Алебастровую шею украшала нить жемчуга.

Смотри, брат, не опускай взгляда. Иначе увидишь, как гостья, безупречно ловкая в небе, ковыляет по дороге на птичьих лапах, коротких и мощных. Заканчивались лапы жуткого вида когтями, оставлявшими в земле глубокие борозды. А руки...

Рук у существа вроде бы и не было. Вместо рук – крылья с глянцевыми перьями, окрашенными в густой индиго.

– К-кх-х...

– А?

– Кх-х-то это?

– Это гарпия, парень, – старший приосанился, расправил плечи, дабы герб Реттии на мундире выпятился должным образом. – Что, никогда не видел?

Он тоже, честно говоря, видел гарпию лишь однажды, давно и издали. В городах крылатые хомобестии жили редко, брезгуя теснотой. Ветеран тайком вспоминал устав караульной службы, драть его на лыко – и никак не мог отыскать хоть одну статью, имеющую отношение к таким вот визитерам.

«Действуем по обстановке, – решил он. – В столице скоро от людей не продыхнуть будет – накось-выкуси, еще и птички-синички! Поналетели тут! Двойная пошлина, не меньше. Нет, тройная! Или лети обратно, горlinkа...»

Он сообразил, что гарпия запросто могла перелететь через стену, избежав встречи со стражей, вспомнил скрип арбалетной тетивы в башенке – и ухмыльнулся в усы. Густав бьет без промаха! Знай, хомобестия, свое место – нечего над стенами по небу шаркаться!

Остановившись в трех шагах, гарпия по-птичьи склонила голову набок.

– Доброе утро, любезные судари. Это столица королевства, я не ошиблась?

От хриповатого контральто гостьи у стражников завибрировали в душе невидимые струны. О наличии таких струн оба – пожилой и молодой – минуту назад даже не подозревали. Говорила гарпия ясно, правильно, только ударения в словах едва заметно плавали – трудно было понять, на какой звук они приходятся.

– И вам доброго утречка, сударыня, драть вас на... э-э... – поперхнулся старший. – В смысле, ага. Столица. В самое темечко угадали.

– Если так, позвольте мне пройти в город.

– А поговорить? – сощурился ветеран. Тибор Дуда на всякий случай придвинулся ближе, чуть не зацепив старшего крюком глефы за шиворот. – Кто вы, откуда и по какой надобности явились в столицу?

– У нас так положено! – поспешил добавить Тибор, и сам удивился: зачем встрял? Наверное, чтобы не стоять столбом.

Ветеран хмуро покосился на парня, но отчитывать при гарпии не стал.

– Извольте, судари. Келена Строфада, верноподданная реттийской короны. Гарпия, как вы могли заметить. В столицу прилетела по делу. В качестве... Как бы это получше сказать? – да, в качестве целителя. Также собираюсь учиться в университете.

Вежливая изморозь, казалось, сковала черты женщины-птицы. С терпением, достойным горы или моря, она ждала, когда досадная помеха наконец уберется с ее пути.

– А диплом целителя у вас есть, сударыня? Лицензия?

Лик гарпии на миг дрогнул. Растерянность? Смущение? Обман зрения? Вот же тварь, подумал старший, ничего не разберешь! Он считал себя отличным физиогномистом, но сейчас опыт дал осечку. Лицо гостьи было книгой, написанной на мертвом, давно забытом языке.

– Чтобы попасть в город, мне нужен диплом?

– Без разрешительного документа в Реттии целительство запрещено. Набегут шарлатаны, до смерти залечат! Опять же, честным лекарям – убыток и разорение... Так что, есть у вас бумага?

– Нет.

По крыльям гарпии прошла еле уловимая глазом волна. Когда она схлынула, в перьях добавилось ядовитой прозелени, тесня сдавший позиции индиго. Тибор в растерянности заморгал. Но старший, беря пример с хомобестии, хранил невозмутимость.

– Ничем не могу помочь, сударыня.

Он картинно развел руками, глядя на гарпию сверху вниз. Скрыть злорадство удалось с трудом. Все, ласточка, дошутилась. Реттия – для людей, что бы ни талдычили законы. Лети на свои Строфады, там и кукуй.

Краем глаза он заметил долговязую фигуру – та приближалась сбоку, по дороге, – но оставил Густаву заботы о новом госте.

– В таком случае, сударь, сообщите мне ваше имя. Для разговора с вашим начальством.

Давить на бывшего вратаря? Ха! По уставу следовало назваться. Но откуда залетной стерве знать устав? Его и горожане-то плохо знают, если не служили в карауле...

– Имена стражи разглашать не положено! Во избежание обид и покушений.

– Ы-ык!

Странный звук издал Тибор Дуда: то ли подтверждал сказанное, то ли желал привлечь внимание. Вздрагивая, парень косил глазом на ворота. Старший обернулся, желая знать, что взволновало сопляка, и сам подавился икотой.

У ворот стоял псоглавец.

Если не обращать внимания на кудлатую башку волкодава с ушами торчком, сплошь в серой шерсти... Ага, не обратишь тут, как же! Короче, в остальном псоглавец был человек. Телосложением он напоминал старшего караула, за вычетом изрядного брюха. Могучий торс затянут в колет из тисненной кожи – блеск крючков, пояс с бляшками; ботфорты, походная сумка... Палаш в старых ножнах и длинный кинжал довершали картину.

– Быстрого неба, сударыня, – обратился псоглавец к гарпии.

– Веселой охоты, сударь, – Келена впервые улыбнулась, обнажив аккуратные, заостренные на концах зубки.

Удосужься стражники приглядеться, они бы обнаружили, что у сцены, разыгрывавшейся перед Малыми Угловыми, появился зритель. Юная цветочница Герда вряд ли смогла бы ответить, за каким бесом ее занесло в эту часть города. Девочка, как часто случалось с ней, действовала по наитию, оставляя логику занудам. В итоге, несмотря на ранний час, она успела распродать две дюжины пунцовых роз, а сейчас наслаждалась скандалом, любуясь парочкой хомобестий.

Зрелище с лихвой стоило потраченного времени.

Девочка и не подозревала, что история, впервые коснувшаяся ее в Веселом Тупике, подступила гораздо ближе, и вот-вот Герду унесет течением к далеким берегам. А даже если бы и подозревала? Это ровным счетом ничего не меняло.

– Пр-рохвосты! – зарычал псоглавец в адрес караула.

Собакоголовый, драть его на лыко, ростом вымахал в косую сажень. Смотреть на него сверху вниз не получалось при всем желании. Тем не менее, ветеран открыл рот, желая осадить наглеца, но псоглавец его опередил:

– Статья втор-рая, пар-рагр-р-раф тр-ретий! – рявкнул он, катая в глотке опасный хрип. – По требованию подданного Реттийской короны, либо жителя дружественной страны, прибывшего с частным визитом, караульный страж обязан представиться. В соответствии с уставом он еще должен отдать честь, но, учитывая вашу нр-равственность, об этом говорить не приходится. Всякого, если он не преступник, объявленный в розыск, следует беспрепятственно

пропускать в город после уплаты входной пошлины. Лица, прибывшие по официальному приглашению, от пошлины освобождаются.

«Ишь ты, „лицо“ выискалось! – ругнулся про себя старший. – Морда!» Однако вслух оскорбить псоглавца остерегся. Устав тот цитировал слово в слово. И где только выучил, сукин сын? Обычно псоглавцы ограничивались краткими, рублеными фразами – их пасть была не слишком приспособлена для долгих монологов. Но адвокат гарпии выступал, как по-писаному. В свое время он наверняка потратился на хирургическую операцию, и не одну, чтобы получить возможность связной речи в течение минуты-другой.

– Забыли? Устав? – вот теперь собакоголовый уже лаял, как принято среди его племени. – Так я напомним! И доложу, кому следует!

– А вы что, тоже подданный его величества?

– С р-рождения! – сверкнули клыки. – Доминго, сын Ворчака. Любить не предлагаю. Жаловать – придется. Судар-р-рь.

– Платите пошлину и это... – старший поскущел и слегка усох в размерах. – Добро, значит, пожаловать. Оба. Но заниматься целительством без лицензии не советую. Имейте в виду.

– Пошлина? – изумился Доминго. – Бр-ред. Я по пр-риглашению.

Он извлек из сумки малый свиток, перетянутый бордовым шнуром, и бросил стражникам.

– Приглашен... – забубнил Тибор Дуда, развернув свиток, – на должность... в качестве соискателя... Подпись: Рудольф Штернблад, капитан лейб-стражи. И личная печать.

Обалдев, парень шевелил губами, не издавая ни звука.

– Прощеньца просим, сударь соискатель, – старший вложил в эти слова всю издевку, на какую был способен. – Не признали! Милости просим.

«Вы, случаем, не капитанский сынок? – мысленно спросил он. – Или внучек? А то, я гляжу, личиком похожи. Мириться приехали, а?» У скверной шутки были основания. Вся Реттия знала, что Рудольф Штернблад на ножах со своим сыном, лекарем при графском дворе в провинции. Сын родился в отсутствие папаши, променявшего семью на умение ловко вертеть клинком, и впитал ненависть к отцу с молоком матери. Все попытки капитана наладить отношения наталкивались на броню вежливого отказа. Столько лет, у сына виски седые, пора бы остыть, простить, ан никак...

Жаль, не всякое лыко в строку. Пошути старший вслух, и арбалетная стрела с башенки могла опоздать. Этот барбос за поносные слова уши отгрызет, и не поморщится. А свои уши, извиняюсь, ближе к телу.

– Спер-рва – дама! – гавкнул Доминго.

Он ел старшего глазами, словно желал прочесть чужие мысли.

– У меня тоже приглашение, – внезапно сообщила гарпия. Во время пикировки она молчала. – Желаете удостовериться?

– Желаем! – в полном раздрае душевных чувств гаркнул ветеран.

– Извольте.

Крылья гарпии пришли в движение, приподнялись – и из-под них на свет явились...

– Руки... У нее руки!

– Вас это удивляет, юноша? – с ледяной улыбкой осведомилась Келена Строфада, поведя бровью в адрес Тибора Дуды. – Меня тоже кое-что удивляет. Например, полная безмозглость некоторых... Впрочем, неважно.

Изящные руки, которые гарпия до сих пор прятала под крыльями, будто под плащом, добрались до вышитого бисером кошель, висевшего на поясе. Длинные пальцы лютнистки, вооруженные когтями – впрочем, когти покрывал гиацинтовый лак, – ловко справились с застежкой.

– Вот, пожалуйста.

На пурпурном сургуче печати, украшавшей конверт, встал на дыбы единорог – герб королевского дома Реттии.

– Нижайше извиняемся, сударыня...

Тибор Дуда согнулся в глубоком поклоне, следуя примеру старшего.

– Что ж вы сразу-то не сказали?

– Да как-то не пришло в голову. Ведь меня и так должны были пустить в город. Верно, храбрые воины?

– Все верно, сударыня, вы совершенно правы, просим прощения...

«Вот же дрянь! – думал старший, глядя вслед гарпии и псоглавцу. Две фигуры, долго-вязая и приземистая, рядом смотрелись диковато, если бы не солнце. Лучи били навстречу, создавали вокруг этих двоих сияющий ореол, превращая в неземных созданий из волшебной сказки. – Теперь, небось, наябедничает. Капитан Горчмыг такой фитиль вставит – Овал Небес с овчинку покажется...»

– Господин! Купите даме цветок!

Маленькая цветочница выскочила из-за створки ворот, словно бесенок – из табакерки.

– Р-розы! – оскалился Доминго. Он дышал часто и тяжело, вывалив язык. Уставной монолог не прошел для него даром. В глотке саднило, артикуляция давалась с трудом. – Кр-р-расота!

Псоглавец дал девочке монету, безошибочно выбрал лучшую розу и с поклоном вручил цветок Келене. За его спиной дружно крикнули стражники; Густав из башенки, и тот присоединился. Вратарей томило странное чувство – будто гарпия забыла про них в ту же секунду, как только двинулась дальше. Верней, помнить-то помнила, но бесчувственно, равнодушно, как помнят не нанесенное оскорбление, не удачную месть, а бросовый камень на обочине.

С одной стороны, повезло; с другой – обидно.

– Спасибо, сударь, – гарпия спрятала подарок под крыло. – Я тронута.

– Куда вы? Сейчас?

– В дом Томаса Биннори. Меня там ждут.

– Я бывал в Р-реттии. Дом Биннор-ри? – не знаю.

– Я знаю, госпожа! Я! Это в Веселом Тупике! Могу проводить, – заблажила Герда, и не преминула добавить: – Совсем недорого.

Гарпия обернулась к цветочнице. Они были одного роста, гарпия даже на вершок повыше. Но это ненадолго. Скоро девочка вытянется молодым деревцем, а женщина-птица останется прежней.

– Хорошо, – прекрасное лицо Келены оттаяло. – Я буду смотреть сверху, куда ты идешь, и следовать за тобой.

– Да, госпожа.

– Удачи тебе, Доминго, сын Ворчака. Надеюсь, еще увидимся.

И, расправив мощные крылья, гарпия взмыла в воздух.

Caput IV

*Для чего стоять на крыше?
Для того, чтоб быть всех выше –
И точить, точить слезу
По оставшимся внизу.*

Томас Биннори

Для Абеля Кромштеля день не задался с самого утра.

Придя на рассвете во внутренний дворик, он с огорчением выяснил: мэтр Томас ночью сбежал из спальни, куда Абель вчера отвел его за руку, и сейчас спит в кресле, забыв даже укрыть ноги пледом. Бледный, утомленный, поэт весь светился, бормоча какую-то невнятицу и улыбаясь.

Попытка разбудить его и накормить завтраком ни к чему не привела. Томас спал, и все тут. Применять сильные меры – облить холодной водой, надавать оплеух, заорать благим матом – Абель побоялся. Он ограничился тем, что закутал барда от ступней до поясницы клетчатым пледом, принес из гостиной второй плед, накинул Биннори на плечи – и, отойдя на пару шагов, с минуту плакал, сетуя на несправедливость судьбы.

Когда никто не видит, плакать дозволено.

Пройдя на кухню, он долго готовил себе завтрак. Есть не хотелось, но простые действия успокаивали. Холодная баранья нога, нашингованная морковью и чесноком – срезать с кости ломтики жесткого мяса, разложить на тарелке веером. Разжечь очаг, вскипятить воду в маленьком котелке. Бросить в кипяток мяты и чабреца, горсть сушеных ягод земляники. Над еще горячим очагом поддержать лепешку. Вдохнуть, понимая, что мэтр Томас не разделит с тобой трапезу. Мэтр Томас далеко. Съесть лепешку, чуть-чуть баранины, запить отваром.

Выйти во дворик: все ли в порядке с бардом? Все в порядке, спит. Моим врагам такой порядок.

Поднявшись в кабинет, Абель достал чернильный прибор, стаканчик с перьями, песочницу – и занялся дневником. Кабинетом он пользовался редко, лишь в те дни, когда у мэтра Томаса начиналось обострение. Суеверие, смешное и нелепое: пока здесь кто-то пишет, скрипит пером, трет в задумчивости лоб – Томас Биннори будет жить.

Дурачок ты, Абель, тоскливо усмехнулся он. Томас Биннори будет жить вечно. Актерские трупы от Реттии до Бадандена играют трагедию «Заря», и зритель рыдает, задыхаясь от сердечных спазмов. Трубадуры на дорогах Анхуэса и Брокенгарца, Эстремьера и Шпреккольда, и даже далекого, сказочного Ла-Ланга поют «Балладу троих», «Балладу пятерых», «Лэ о королеве фей и Томасе Рифмаче», будь оно проклято, это лэ, и все, что его породило...

Он склонился над бумагой.

"Вчера вечером я сварил ему бульон. По-эйлдонски, как он любит: из жирной курицы, с корнем петрушки и зеленью. К счастью, он согласился поужинать. Я кормил его с ложечки, бульон тек на подбородок, на одежду, а он, глотая (хвала Вечному Страннику!), рассказывал мне, как луна висит над гребнем чаши, сгорая от страсти, и сны вереницей отправляются в деревню – их ждут дети, а взрослые могут спать и без снов... Я поддакивал, он радовался, был почти прежним, но очень слабым, съел гренок с маслом, потом замкнулся и сказал, что хочет остаться один.

Иногда я думаю: что стану делать, если он умрет? На что жить? – этот вопрос меня не волнует. Я непритязателен. На кусок хлеба заработаю. Но зачем жить Абелю Кромштелю без Томаса Биннори? Я – тень, спутник, сам по себе я ничего не значу. Я даже тосковать не сумею, так, как тосковал бы он, оставшись без меня – завивая тоску кружевом таланта..."

Внизу постучали. Сухой снаружи, стук дверного молотка гулко разнесся по дому. Мэтр Томас, помнится, ругался: мешает работать. Впрочем, когда мэтр Томас действительно работал, а не ловил музу-капризулю за вертлявый хвост, его нельзя было отвлечь и раскатом грома, начнись гроза прямо в кабинете.

Отложив перо, Абель заторопился к двери: встречать гостя.

Он не слишком надеялся на помощь альтернативного специалиста, вызванного его величеством, кем бы этот специалист ни был. Надежда – опасное чувство. Скользкое. Оно плюхается обратно в реку разочарования, а ты остаешься на берегу, несчастный и удрученный много больше, чем до явления золотой рыбки – надежды.

– Доброе утро. Меня зовут Андреа Мускулюс.

На пороге стоял грузчик, одетый для грузчика слишком добротно. Из рукавов куртки выглядывали мощные запястья и кисти рук, способных, пожалуй, свернуть шею быку. Простоватое лицо, тень от шляпы, застенчивая улыбка – так извиняются за беспокойство.

– Вы что-то привезли? – спросил Абель.

Случалось, поклонники отправляли барду тяжеловесные подарки. Правда, едва по городу поползли слухи о помрачении рассудка Биннори, поклонников как ветром сдуло. Без причины, наивно и глупо, они боялись заразы. Вслух никто не говорил, что от поэта можно подхватить мозговую чуму, но Веселый тупик быстро опустел.

«На похороны, небось, привалят!» – зло подумал Абель и ощутил укор совести.

Он не любил быть злым.

– Я? Нет, я ничего не привез. Я – член лейб-малефициума. Лейб-малефактор Нексус сегодня не придет. Он настоял, чтобы я присутствовал при первом визите альтернативного специалиста. Я не опоздал?

– Н-нет...

– Милый, ты не хочешь представить и меня? – из-за спины мага, похожего на грузчика, выступила красивая дама. – Или ты рассчитывал, что я провожу тебя и обожду в «Шкатулке Д'Оро» за чашечкой кофий?

Детина побагровел, став похож на помидор.

– Ох, Номочка, прости! Ты же знаешь, я вечно... Рекомендую: Наама Мускулюс, моя жена, маг высшей квалификации.

– Некромант, – мило улыбнувшись, добавила дама. – Из Чуриха.

«Мэтр Томас еще жив! – хотел закричать Абель. – Убирайтесь прочь!» Мелькнула страшная мысль, что это и есть альтернативный специалист – Эдвард II замыслил ужасное, желая любой ценой сохранить мэтра Томаса при дворе... Но дама помешала ему, остановив истерику на полпути. Она шагнула вперед, странным образом заслонив богатыря-мужа, сняла обаяние, как вуаль с шляпки, убрала красоту, отвлекающую от главного, оставила лишь деловитость и спокойствие, после чего тихо сказала бледному до синевы Абелю:

– Я знаю, что приглашенный королем специалист гарантировал вашему другу, – гостя избежала высокомерного «вашему хозяину» с изяществом, достойным уважения, – полную безвредность своих действий. Возможно, это правда. Возможно, обман, вольный или невольный. Я гарантирую другое: пока мы здесь, мы сделаем все, что в наших силах, для безопасности Томаса Биннори. Если у вас есть сомнения, вы вправе отказать нам. И мы удалимся без последствий. Ваше решение?

Абель отступил, давая проход.

– Добро пожаловать, государи мои. Я рад видеть вас.

Он проводил супружескую чету во дворик, показал хозяина дома – Биннори спал, напевая во сне бессвязную канцонетту – и, по желанию малефика, оставил. Уходя, Абель обернулся: грузчик-чародей задумчиво изучал спящего, время от времени что-то шепча жене. Та кивала, обмахиваясь веером из расписного шелка. Над кромкой веера плясали сине-белые искорки.

Работают, понял Абель, и тут в дверь снова постучали.

Новые гости ввели бы его в столбняк, не будь меж ними знакомого – капитана Штернблада. Позади маленького капитана топтались два лейб-гвардейца и рослый псоглавец, вооруженный до зубов.

Включая зубы, поправился Абель.

– Здравствуйте, Кромштейль, – капитан всегда обращался к Абелю по фамилии. Ему нравилось, как она звучит. – Его величество поручил мне обеспечить безопасность Биннори. Извините, если помешали. Вы с утра смотрелись в зеркало? Ваши дивные бакенбарды нуждаются в гребешке...

Он поймал взгляд Абеля, устремленный на псоглавца, и подмигнул: каков, а?

– Это Доминго, не пугайтесь. Он сегодня прибыл в Реттию и сразу нашел меня по запаху. Превосходное чутье, клянусь шипами ваалберита! В следующий раз, когда вы встретитесь, Доминго будет щеголять в такой же форме, как и эти два головореза. Уверен, мундир ему к лицу... э-э... ну, короче, к лицу. Вы пустите нас, или придется применить силу?

Капитан расхохотался. Рудольф Штернблад пребывал в чудесном расположении духа. Патент на имя Доминго, сына Ворчака, лежал у него в кармане. Мало кто знал, каких трудов стоил этот патент. С упорством маниака Штернблад день за днем, год за годом пробивал давнюю идею: в лейб-страже обязан служить хотя бы один миксантроп.

Если мы признаём за миксантропами, говорил капитан – слово «хомобестия» он терпеть не мог, – право считаться подданными короны, мы должны признать за ними и право охранять носителя этой короны. Иначе мы вслух декларируем необходимость мирно жить бок-о-бок, а на деле прячем нож за спиной.

«Но стоит ли начинать с лейб-стражи?» – спрашивали его.

Начинать, отвечал маленький капитан, надо там, где всем видно.

Штернблада не понимали, и даже звали бестьефилом, но шепотом, озираясь по сторонам. Оскорбить Неистового Руди в полный голос – не самый приятный способ самоубийства. Долго, знаете ли, грязно, и много неэстетичных подробностей...

– Прошу вас! – Абель провел бравых вояк во дворик, оставил здороваться с мажым семейством и впервые задумался о важном. Если его величество так заботится о безопасности пациента, прикрывая Биннори чарами и железом – что же представляет из себя лечение? Или этого никто не знает, и страхуются от всего сразу?

Глупые мы, глупые, невесело хмыкнул он. Ограждаемся от допустимого, зная, что обращаемся к неизвестному. Стели, брат, соломку, и езжай за сто лиг кубарем лететь...

Вздыхнув, он вернулся к дверям: пришел лекарь Ковенант. Когда же и лекарь присоединился к группе защитников барда, Абель случайно заметил, куда глядят капитан и верзила-псоглавец, не спеша привлечь внимание остальных. Он тоже поднял голову и ахнул. Внутренний двор не имел крыши – такие дворы по-анхуэски называют «патио»; попадали сюда через два коридора, идущие от холла и угловой гостиной. Но, как только что выяснилось, существовал иной путь.

На перилах лоджии третьего этажа сидела гарпия.

* * *

– Чудесное утро, господа мои. Келена Строфада, к вашим услугам.

Гарпия замолчала. Ее негромкий, но внятный голос был слышен каждому, несмотря на расстояние. Пауза висела в воздухе, словно хищная птица, высматривая добычу.

На лбу Абеля выступил холодный пот. Он догадывался, кто здесь добыча. Присутствуй он при сцене, разыгравшейся у ворот города, то отметил бы, что гарпия опять «сменила наряд».

Сизые крылья с белой окантовкой, аспидно-черный хвост. Серо-белые «штаны» на птичьих лапах – точь-в-точь перистые облака в вечернем небе. Когти намертво вцепились в перила.

«Какие громадины! Овал Небес, если она захочет...»

– Келайно, – сказала супруга мага-здоровяка. С чисто женской ревностью она изучала гарпию. Прекрасная соперница выглядывала из перьев, будто из волшебного платья. – Мрачная. Проклятье, я могла бы догадаться...

В ее устах слово «проклятье» звучало буднично.

– Вы знаете наш язык, – улыбнулась гарпия, демонстрируя острые зубки. – Это хорошо. Не соблаговолите ли представиться, сударыня? Ладно, мужчины помалкивают. Стесняются. Но какие церемонии между нами, слабыми женщинами?

– Наама Мускулюс. В девичестве – Шавази. Маг высшей квалификации.

Уточнять специализацию магичка не стала.

– Наама, – гарпия на миг задумалась. – Страус, если не ошибаюсь. На аль-аднан. Или аль-яруб?

– Аль-аднан. Меддийский диалект.

– Шавази, кажется, танец живота... Вы – некромантесса, да?

– Да. Как вы догадались? Толкователи имен обычно делали вывод, что я – танцовщица...

– Случайно, – гарпия позволила себе вторую улыбку. – Я видела, как страусиное яйцо подвешивают над могилами. Это означало воскресение и бдительность. Зовите меня Келеной, не утруждайтесь. Господа, к вам это тоже относится.

Слетать вниз она и не думала. Сидела королевой на троне; склонив к плечу очаровательную головку, переводила взгляд с одного человека на другого. Келена собиралась явиться раньше, но опоздала. Эта смешная девчонка Герда... Уследить за цветочницей, бегущей по лабиринту города, оказалось труднее, чем предполагала гарпия. Дед был прав: курятник. Приходилось раз за разом снижаться, делать круги и охотиться на Герду, словно на верткого обезьяныша в кроне дерева. Хорошо, горожане не привыкли глазеть на небо, считая ворон: гарпию заметили всего дважды, и без лишнего гвалта.

Зато кошки стремглав летели прочь с обжитых крыш, и собаки заходились хриплым, испуганным лаем. О голубях и речь не шла: сизари-толстяки исчезали в чердачных окошках с неприличной поспешностью.

Когда же девчонка остановилась, призывно размахивая свободной рукой – во второй она держала корзинку с цветами, – гарпия снизилась, опустилась на мостовую, и с интересом выяснила, что это не Веселый Тупик, а перекресток Кладбищенской и Трубача Клауса.

«Вам надо где-то жить, – без зазрения совести заявила хитрюга Герда, мило краснея. – Почему не у бабушки? У нас есть свободная комната: чистенькая, уютная. На третьем этаже. С балкончиком. Вон, видите? Он просто создан для вас: прилетели, сели – и сразу в комнате. Никаких лестниц, являйтесь, когда угодно... Совсем недорого, а?»

Келена хотела разбранить нахалку, подумала – и согласилась. Ей понравился балкон. Да и домик выглядел милым. В конце концов, цветочница говорит дело: жить где-то надо. Почему не у бабушки? Тем паче, что бабушка Марго уже выходила из дверей, здоровалась и звала отведать свежих плюшек. Крылья и когти новой постоялицы не смутили старушку. Плюшки, чай, слово за слово, уверения, что Веселый Тупик под боком, и в такую рань грех торопиться... Короче, псоглавец Доминго успел благополучно найти капитана Штернблада, защитники больного поэта собрались во дворе всем отрядом, а гарпия только взлетела с балкона – в путь.

К счастью, Герда не солгала: дом Биннори и впрямь стоял рядом.

– Расступитесь, господа. Вы заслоняете мне пациента.

– Вы собираетесь произвести осмотр? – спросил лекарь Ковенант. Унылое лицо лейб-медикуса вытянулось еще больше. – Если да, я готов оказать...

– Я собираюсь произвести первый захват.

– Захват?

Лекарь тоже кое-что смыслил в языках. Гарпия – от глагола «harpazein»: хватать, похищать. Хищники, гарпии привыкли хватать и похищать добычу. Это понятно. Но при чем тут пациент? Зачем хватать больного? Зачем его похищать, скажите на милость?!

– Да. Это необходимо, чтобы вынести диагноз. Господа, король доверил мне лечение сударя Биннори. Сейчас я предприму ряд действий. И хочу получить от вас заверения, что вы не станете вмешиваться, что бы я ни делала. Повторяю: ваше вмешательство исключено. В противном случае я немедленно покину Реттию.

– Что вы намерены делать? – спросил капитан Штернблад.

– большей частью – просто сидеть рядом с пациентом. В остальном – это мое дело. Даже если мои действия покажутся вам опасными, вы не должны вмешиваться. Обещаете?

Капитан кивнул:

– Обещаем.

Рудольф Штернблад сказал это таким тоном, что оспаривать его право говорить за всех не решился никто. Многие еще помнили дуэль, случившуюся между капитаном лейб-стражи и Просперо Кольрауном, боевым магом трона, ее удивительный исход – и взгляд обоих дуэлянтов, который заморозил возмущенные трибуны, превратив буянов в овечек.

– Хорошо. Прошу вас, отойдите от пациента. Вон к той клумбе. Спасибо. Итак, приступим.

И гарпия, не говоря больше ни слова, сорвалась с перил. Взмахнув крыльями, вытянув перед собой лапы с ужасными когтями, хищником на добычу, она ринулась на спящего в кресле Томаса Биннори.

* * *

Позднее Абель Кромштель запишет в дневнике:

"Я ничего не успел сделать. Я и понять-то ничего толком не успел. Помню страх: липкий, молниеносный, он ударил меня под ложечку, и я задохнулся. Лишь сейчас, разбирая воспоминания, как пряха – кудель, я пытаюсь восстановить картину. Спасибо капитану Штернбладу: он ответил на мои вопросы – скупое, посмеиваясь, но этого хватило, чтобы заполнить лакуны.

Не все – такие рохли, как я. Не всем суждено махать кулаками после драки. Я помню, как жуткое существо несло на мэтра Томаса. Беззащитный, закутанный в пледы, он ждал смерти с покорностью и, как мне показалось, с радостью. Конечно, я преувеличиваю: во сне нет ни покорности, ни радости, ни самого ощущения надвигающейся смерти. Но кто бы из нас не мечтал умереть во сне? – в *счастливом* сне...

Я хотел закричать, но горло сдавило, как петлей. Зато гвардейцы действовали, будто на учениях, с отменным хладнокровием и сноровкой. Тот, который стоял ближе к креслу, кинулся на перехват, подставляя себя под удар убийственных когтей. Второй выхватил кинжал, собираясь метнуть его в гарпию. Не знаю, успели бы они, и что вообще из этого получилось бы – глупо строить предположения, как замок на песке. Важно иное: первый лейб-гвардеец, не добежав, рухнул, словно бык на бойне, оглушенный обухом топора в руках умелого мясника. А у второго исчез кинжал – вот только что сверкал в пальцах, собирался уйти в полет, и сгинул, как не бывало.

Я неверно сложил кусочки мозаики. Разумеется, сначала исчез кинжал. Его отобрал у подчиненного капитан Штернблад. Я не видел, каким образом он это сделал, но оспаривать заявление капитана не могу. Мало ли чего я не видел? В конце концов, я не заметил и того, как кинжал совершил в воздухе пол-оборота – и концом рукояти ударил первого гвардейца в ямочку под затылком. Владелец кинжала еще только завершал взмах рукой, полностью уве-

рен, что продолжает владеть оружием, а его коллега уже валился лицом вперед, упав в опасной близости от кресла.

Все это время псоглавец Доминго стоял, не шевелясь.

– Отец ударит, сын вылечит, – с отменным равнодушием сказал капитан. – Пустяки...

За годы, проведенные в Реттии, я не раз слышал любимую поговорку Штернблада. Ее цитировали все, кому не лень. Другое дело, что единицы догадывались об истинном смысле слов капитана. Его сын, лекарь у графа Ла Фейри, терпеть не мог столичного отца. Он отказал капитану, когда тот изъявил желание увидеть внука. Они не встречались даже на могиле жены рано овдовевшего капитана. Сын заранее узнавал о визите отца, и сказывался занятым или уехавшим. Думаю, поговорка успокаивала Штернблада-старшего. Сладкая, неясная для посторонних ложь создавала видимость общности между формально близкими, но абсолютно далекими родичами...

Впрочем, я отвлекся.

Когда гарпия в последний, невыносимый момент свернула в сторону, чуть не задев когтями мэтра Томаса, и приземлилась у кресла, застыв в неподвижности, я услышал, как шумно выдохнул воздух маг, похожий на грузчика. Его супруга..."

* * *

Захват осуществить несложно, знала Келена. Один-единственный лепесток времени, краткий миг падения – тело становится невесомым, и душа обретает свободу, выскальзывая из плоскости тварного мира в пространство *психонома*. Мига достаточно, чтобы увидеть ближайший из якорей, схватить цепь и вынырнуть наружу. Простая, грубая работа.

Но для работы тонкой – а что тоньше коррекции чужой души? – необходимо длительное погружение. Гарпия, проникая в чужой психоном, остается беззащитной. Внутри пройдут часы, а снаружи – минуты; но эти минуты ты проведешь, застыв изваянием рядом с тем, чью душу исследуешь. Глухая, слепая, бесчувственная.

Такова плата за вход.

Перелет взорвал мироздание. Келена метила на локоть выше головы пациента – и влетела напрямик в грозное небо. Воронка тайфуна с гостеприимством ада распахнулась перед гостьей, открывая аспидно-черный зрачок – трубу, канал, угольный колодец со стенами из бешено вращающегося вихря. Она падала в бездну исчезающе-иллюзорного «сейчас», закладки между прошлым и будущим, воспоминаниями и чаяньями, мечтами и сожаленьями...

Пока не рухнула в ночь.

Психоном встретил ее упругим ударом ветра, несущего запахи лаванды и бугенвиллий, и горечи листьев, сжигаемых на кострах осени. Келена расправила крылья, поймала поток – и не удержалась: расхохоталась от переполнивших ее чувств. Единение с психономом: вы входите друг в друга, как меч в ножны, как двое нежных любовников.

Неповторимый и чудесный праздник – «сейчас».

О люди, вы даже не представляете, насколько вам повезло. Владельцы стран и континентов, на этих пажитях вы можете взрастить все, что пожелаете – пока живы. Рай и геенна, высокое и низменное, страсть и страдание – вы вольны засеять их сказочными драгоценностями, изумрудами прожитых мгновений, каждое из которых – неповторимо.

Это ли не дар свыше? И на что вы его растрачиваете?

Углубляетесь в воспоминания, эмигрируя в «уже было». Предаетесь мечтам, отплывая в «еще не было». Настоящее утекает песком сквозь пальцы, оставляя зияющие прорехи на ткани создаваемого мира. Вы жадно перебираете найденные когда-то медяки и вожделеете серебра, не замечая ежесекундно сыплющегося на вас золотого дождя.

Ветер усиливался. Келена стремительно неслась над окутанными тьмой землями. Внизу проплывали неясные очертания заброшенных городов и циклопических построек, не озаряемые даже робким лучиком света. Лишь вдалеке, на вересковых пустошах, жгли костры. Гарпия скользнула ближе к земле. То, что она ищет, не может таиться во тьме: она знала это по опыту.

В глаза ударило солнце. Из ночи она влетела в день, и не удивилась.

Небо переливалось сияющими разводами, раскрашивая облака во все цвета радуги. Внизу рос город. Земля влажно лопалась, из нее красноголовыми подрябиновиками лезли белокаменные дома, блестя черепицей крыш. На холме кольцом башен-боровиков встал к небу замок; деловитыми опятами проклюнулись хижины предместий. Вот уже и букашки-хлопуны на улицах засуетились...

Нет, не здесь. Келена сделала круг над новорожденным городом, раздувая ноздри. Она даже облизнулась, пробуя воздух на вкус. Кислая медь на языке. Будоражащий запах перемен. Перемены пахнут смоленой пенькой, известковой пылью и рассветным бризом. Хотя псоглавец Доминго наверняка бы не согласился. Но псоглавец – там, а мы – тут.

Долгий и чистый звук колокола в вышине. С востока долетает манящий, далекий отголосок. В нем спрятан карамельный пурпур зари. Туда?

Да! – отозвалось эхо.

Келена чувствовала: лететь придется долго. Страна души поэта обширна – не чета иным куцым миркам; а паразит, видимо, притаился на другом ее краю. Путеводной нитью могло стать что угодно: стайка стрижей с изумрудными крыльями, густеющие пряди воздуха, прожилки черных трещин на хрустале небосвода... Гарпия взяла направление, как гончая – след.

Самый быстрый сокол не угнался бы сейчас за Келеной. Как обычно, внутри психонома тело гарпии изменилось. Лапы вытянулись, превратившись в сильные и стройные ноги, исчезли лишние перья... В поднебесье неслась не полуптица, но почти-ангел. Лишь острые когти выдавали в ней опасную хищницу.

Внизу плыли города. Ветхие лачуги, крытые соломой, соседствовали с дворцами, возведенными из радуг и цветов. Один из дворцов вдруг налился густеющим мраком. Цветы растеклись, обращаясь в смолу; радуги выцвели – вот уже клубятся арки праха, грустно шелестя на ветру...

Человек на осле покидал город, ставший чужим. Келена вгляделась. Уж не сам ли это Томас Биннори, бард-изгнанник? Верно, он и есть. Один из якорей – яркое воспоминание, причудливо искаженное восприятием. Место, куда Биннори часто возвращается. Но причина болезни – не здесь.

Она пролетела над сумрачным ущельем, на дне которого бродили неприкаянные тени. Эхо безмолвного стога долго преследовало гарпию. Ночь, пламя костров, искры до небес; ввысь рвется дикая, вольная песня – бубен, гитара, скрипка. Аромат жарящегося мяса; люди в нарядах из цветных лоскутов пляшут между огнищами; вино – рекой, степь – дыбом, дым – коромыслом... В бархате неба сияют алмазные шляпки вбитых в купол гвоздей. Можно подлететь ближе, коснуться звезд рукой, не боясь обжечься: сияние холодно, как лед.

День. Берег моря. Табуны волн с яростным ржанием обрушиваются на скалистый берег, взлетая брызгами белой пены. Это не метафора: скалы атакуют бесконечные орды коней – прозрачных, переливающихся на солнце благородным нефритом. Рассыпаются мириадами жидких осколков, чтобы возродиться и вновь ринуться на приступ.

На вершине скалы – замок. Сюда шум волн едва доносится. Кажется, замок спит тысячу лет, уставясь на море бельмами слюдяных окон. На главной башне застыли фигурки людей. Пятеро. Они неподвижны, словно навеки срослись с башней. Гарпия летит – над скалой, над замком, над морем. Дальше от берега волнение стихает, волны делаются ленивыми, в них больше не угадываются фигуры жеребцов. Но в таинственной глубине кипит жизнь. Гибкие тела скользят под водой, а на дне, в городах, построенных из кораллов, обитают русалки, и

люди с головами мурен, и многорукие шутники-спруты, и дивными садами колышутся водоросли, и рождается музыка, идущая из бездны.

Правее, на горизонте, мелькнул остров. Сетчатый узор солнечных лучей, крики розовых чаек с клювами фламинго, водоворот, затягивающий в себя корвет с медными парусами, разлитый в воздухе комариный звон, от которого во рту появлялся горький вкус можжевельника – все ясно говорило: цель близка.

Берег прыгнул навстречу, как леопард из засады.

Сети из паутины, хижины-раковины отливают перламутром. Безлюдье. Дальше, дальше – лес, на вершине каждого дерева – раскрытый веер из шелка. Посреди леса, плешью великана, погребенного стоя – холм. На вершине сражаются двое. На сей раз Келена узнала барда сразу. В руках его пели стальные молнии: непомерно длинная шпага, чье острие истончалось в иглу, и дага с лезвием черней антрацита.

С Томасом Биннори бился золотоволосый юноша. На его белой рубаше алело кровавое пятно – строго против сердца. Невидящие глаза-пуговицы чучела. Движения марионетки, ведомой жестоким кукольником. Юноша был мертв, но, тем не менее, продолжал бой. Палаш врос рукоятью в ладонь, плоть от плоти мертвеца. Клинки плели в воздухе кружевную вязь, оставляя за собой мерцающие шлейфы из бисеринок алой росы.

Безжалостная мелодия смерти взлетела грозным крещендо. Палаш златокудрого отыскал брешь в обороне поэта – и вошел в грудь Биннори. Томас охнул и начал медленно, как во сне, валиться на спину. На лице его, одиноким путником в зимней степи, замерзала виноватая улыбка. Затылок коснулся земли; мигом позже Биннори вновь был на ногах. Бой возобновился. По кругу. Бой, смерть, воскресение, и еще бой, и еще смерть – без конца.

Второй якорь.

Куда сильнее прежнего.

Сражающиеся остались позади. За лесом блеснула серебряная нитка ручья. Здесь! У Келены невольно затрепетали ноздри. Она резко пошла на снижение. Благословенная тень посреди летнего зноя. Вода в ручье сладка на вкус, ее можно пить вечно, радуясь неиссякаемой жажде. Пригорок над ручьем – душистое разнотравье, в чьей глубине тлеют угольки цветов. Время от времени то один, то другой цветок взмывал в воздух, оборачиваясь чудо-мотыльком.

Рой цветов-бабочек вился вокруг головы поэта, сидевшего на пригорке. Босой, в льняной рубаше до колен, заросший мягкой русой бородой, Биннори улыбался. Эта улыбка разительно отличалась от той, что извинялась на холме за очередную смерть. Так погибший отличается от спасенного. Рядом с Биннори стояла арфа. Он не касался струн – арфа пела сама; он не размыкал губ – слова рождались из ветра, шепота листвы, журчания ручья. Эхом смеялась плакучая ива, полоща ветви в воде. И, вторя музыке, и песне, и смеху, вокруг Томаса Биннори, легко и грациозно, не касаясь земли, кружились в танце четыре феи.

Одна – бирюза и лазурь, плоть от плоти ветра, с диадемой из серебра. Другая – пламя осени, багрянец и янтарь, вся – натянутая струна: тронь, и зазвенит. Третья – зелень листвы, ласковый свет, лукавые искорки в глазах. Бархатная шапочка цвета малахита венчала ее голову. Четвертая – жемчуг и опал, нежность и сочувствие, и корона из белого золота, и шут-карлик у ног.

Здесь. Ошибка исключалась. Райский уголок, блаженная идиллия – именно отсюда больной не желает возвращаться. И угасает, счастлив и беспечален. Кто же из четверых? Паразит всегда умело маскируется. Его нелегко распознать. И он силен: Келена уже с минуту сопротивлялась давлению – оно росло, мягко, но настойчиво выталкивая гарпию из психонома.

Давление исходило от танцующих фей.

Кто из них?

Паразит могуч, но, к счастью, неразумен. Атаковать первым он не станет. Если не спровоцировать агрессию, он нарастит давление до невыносимого, заняв весь объем, и выдавит

чужака вон. Дед был прав: очень запущенный случай. У гарпии один-единственный козырь: паразит привязан к якорю, как младенец в утробе пуповиной связан с матерью. Он никуда отсюда не уйдет.

Кто?!

...почувствовав, что задыхается, гарпия повернула обратно.

– Я буду драться за душу Биннори, – сказала Келена, вернувшись.

Абель заплакал, не скрывая слез. Он был готов ей лапы целовать, сумасшедшей птице, только за одни эти слова. Остальные молчали, переглядываясь. У кресла зашевелился и громко выругался, приходя в чувство, приткий лейб-гвардеец.

Больной так и не проснулся.

Liber II

Свиреп, когда спровоцирован

Caput V

*Словно капли в тумане – мы были, нас нет,
Словно деньги в кармане – мы были, нас нет,
Нас никто не поймает, никто не поверит,
Нас никто не обманет – мы были, нас нет.*

Томас Биннори

- Ничего?
- Да.
- Совсем ничего?
- Абсолютно.

Лейб-малефактор отошел в угол, где на крюке, вделанном в стену, висела клетка с ручным, третий год как слепеньким василиском Царьком. Ящерок оживился, учуяв хозяина, кукарекнул и распушил гребень короной. Гукая, будто младенцу, Серафим стал кормить его семечками цыкуты.

Царек клевал с ладони, радуясь вниманию больше, чем угощению.

– Ишь, животинка... – с грубоватой лаской бурчал старец, складывая ладонь горсткой, чтоб ящерку было удобнее. – Вот кто меня больше всех вас, завистников... вот кто любит дедушку...

Василиск был племенной, из спец-питомника «Зеница». Яйцо-спорыш – от черного семигодовалого кочета, наседка – жаба-лауреатка, чьей родословной завидовали принцессы Анхуэса. Перед тем, как уложить под жабу, яйцо носила под мышкой лильская девственница со справкой. Короче, Царек вышел на славу. Когда к Серафиму приходили гости, клетку накрывали плотной шалью. Теперь же предосторожность стала излишней – разве что клюнет, если надоедать с поглаживаниями. А в сказки об исключительной ядовитости василисков не верили даже дети – просвещенный век, не кот начихал.

Говорили, лейб-малефактор много лет подряд играл с василиском «в гляделки», постепенно, день за днем, увеличивая время игры – так, наращивая дозу, привыкают к яду. Говорили еще, что именно от таких игр Царек и ослеп.

Но это, пожалуй, враки.

– Я верю вам, сударь мой, – наконец сказал Серафим. – Опыт, квалификация, умение примечать детали... Нет, вы не могли ошибиться. Если вы говорите, что действия гарпии не отслеживались на доступных вам уровнях – значит, их не отследил бы никто.

Андреа Мускулюс – а это он докладывал сейчас начальству об итогах первого сеанса лечения – сперва не понял, а после оторопел. Он готов был привычно обидеться на «отрока», а тут, нате-пожалста: опыт, квалификация, сударь мой... Радоваться? Пугаться? Пропустить мимо ушей?!

– Ты не очень-то, – предупредил внимательный старец. – Не задавайся. Народная мудрость: каждому прянику – свой кнут... Сударь Кручек, ваше мнение? Шарлатанство?

Массивный доцент развел руками, чуть не снеся с полки статуэтку, изображавшую парочку в миг любовного соития. Страдальческие лица влюбленных, рты, разинутые в мучительном вопле, слезы, текущие по щекам – скульптор имел оригинальный взгляд на радости жизни.

– Какое тут мнение... Не думаю, что гарпия морочит нам головы. Она что-то делает. И, судя по рассказу мастера Андреа, делает не в первый раз. Признаюсь, я ожидал больше внешних атрибутов. Камлание, бубен. Экстатические пляски. Окуривание больного дымом от птичьего помета... Жалко, что я не смог присутствовать при сеансе лично.

– И все-таки?

– Надо продолжать наблюдения. Собирать материал. Если есть действие, будут и последствия. Звено за звеном, мы развернем цепочку.

– Согласен, – кивнул лейб-малефактор.

– И я, – Андреа вздохнул, понимая, кому именно достанется вся грязная работа.

Его смущало, что в лечении Томаса Биннори само лечение незаметно отходит в тыл, на заранее подготовленные позиции, уступая главное место наблюдению за гарпией. Научный интерес теснил заботу о чужой жизни на всех фронтах. К поэзии Мускулюс был глух. Восхищение творчеством Биннори не свило гнездо в его сердце. Но человек есть человек: жаль, если помрет. И король огорчится.

Заявить о своих соображениях вслух он не рискнул.

– Что – я?

– В смысле, согласен.

– Я тоже. Серафим, мальчик славно потрудился. Выпиши ему премию.

Андреа ничего не понял во второй раз. Кому принадлежала реплика о премии? – ну, не Царьку же! Василиск устремил на малефика, смущенного донельзя, взгляд белым, прежде смертельно опасный, а теперь разве что издевательский. «Кто из нас слепец? – казалось, спрашивал Царек, с насмешкой цокая когтями об пол клетки. – Эй, парень, разинь гляделки...»

Завертел головой Кручек – доцент тоже недоумевал, ища ответа.

– Ладно, хватит, – подвел итог невидимка. – Давайте знакомиться.

Кресло у окна, стоявшее спинкой к магам, развернулось. В нем сидел такой глубокий старик, что Серафим Нексус рядом с ним, со всей своей дряхлостью и песком, сыплющимся из суставов, смотрелся...

«Отроком, – со злорадством подумал Андреа. – Точно, отроком!»

Худой, как скелет, лысый, без бровей, усов и ресниц, одет в черную хламиду, таинственный гость сидел с неестественностью манекена. Складывалось впечатление, что он сделан из хрупкого стекла. Одно резкое движение – кашель! вздох! – и человек разлетится на сотню осколков. Но все это разом уходило на второй план, едва ты видел глаза незнакомца. Две адские вишни, две черные дыры висели в воздухе. Словно сами по себе, опережая хозяина, они торопились первыми ощупать, расчленив на волокна, вобрать без остатка окружающий мир...

Прикажи эти глаза прыгнуть в окошко – Андреа Мускулюс, маг высшей квалификации, прыгнул бы, не раздумывая. И доцент Кручек, великий теоретик, прыгнул бы следом. И думать не хочется, что бы случилось, начни эти глаза приказывать Серафиму Нексусу, лейб-малефактору Реттии...

Может, в кабинете появился бы новый слепец – в пару к василиску. А может, за окном, на булыжнике, распластались бы три прыгуна-самоубийцы.

Истории бывают разные. Некоторым и одного героя – выше крыши. Ухватит за шкурку и волочет, как строгая мамаша – сына-шалопута. По камням, по корягам; по цимбалам в терновнике – аж свистит! А иной гарема мало, будто султану. Казалось бы, мимо человек идет, не трогай, пропусти. Ан нет: цапнет-царапнет – вдруг пригодится?

– Кристоальд Скуна, – гулким, нутряным басом представился стеклянный. Разговаривая, он не моргал. – Гипнот-конверрер. Серафим, отрекомендуй меня мальчикам.

– Н-не надо, – хором сказали мальчишки. – М-мы в курсе.

Встретиться с Шестируким Кри, величайшим среди гипнотов, что называется, тет-а-тет – это граничило с шансом прогуляться по набережной бок-о-бок с воскресшим Нихоном

Седовласцем. Легенды не должны сидеть в креслах. Легенды не должны басить на весь кабинет. Легендам положено кружиться во тьме веков, подальше от грубой реальности. Иначе ты видишь: пятна возраста на блеклой коже, морщины, пучки волос в ноздрах...

И не сразу осознаешь: видишь ты это лишь потому, что легенда разрешила тебе видеть. Вот она слабо шевельнула рукой. Вот пригасила нестерпимый блеск глаз, давая окружающим перевести дыхание. Вот решила что-то сказать...

– Я работал с гарпиями. В частности, с дедом вашей Келены. Его звали Стимфал, и он стоил мне приличных денег. Можно сказать, он меня разорил, негодник. Тогда я еще был стеснен в средствах...

* * *

Лаборатория Кристобальда Скуны, которую позже называли храмом Шестирукого Кри, располагалась на Тифейском побережье, близ Строфад. Андреа Мускулос еще не родился, и Матиас Кручек – тоже, когда гипнот, изучая боевые навыки хомобестий и способы их совмещения с психикой человека, решил набрать очередную группу добровольцев. С детства мечтая о воинских подвигах, о битвах и сражениях, Кристобальд был жестоко обманут судьбой. Дурная наследственность закрыла ему возжеланный путь. Уникальная хрупкость костей, жидкая кровь – любая царапина грозила нагноением; что-то с сосудами, отчего мага постигла тотальная алопеция – выпадение волос...

Он нашел выход.

Он стал делать воинами – других.

Период жизни Скуны, о каком зашла речь, был временем творческого кризиса – от звездных надежд остались дымящиеся руины. Скрепя сердце, маг отказался от работы с геральдическими монстрами – психо-лекала чудовищ геральдики оказались несовместимы с человеческими. Наложение влекло за собой ужасные изменения: люди-геральдильерос превращались в убийц-берсеркеров.

В молодости мы часто ставим невыполнимые задачи, замахиваясь на Овал Небес. Зато рухнув с высоты лицом в грязь, приобретаем опыт. Уяснив, что стабильно-человеческая часть хомобестии – залог успешной совместимости, Кристобальд отправился в длительные поездки. У него и впрямь были проблемы с деньгами – храм еще не стал местом паломничества клиентов, согласных за любую цену приобрести уникальные навыки ведения боя.

Но гипноту гораздо легче, чем нам с вами, договориться с кем угодно – включая гривастого леонида и рогача-сатира.

После разговора с Шестируким Кри миксантропы соглашались принять участие в эксперименте с искренней, незамутненной сомнениями радостью. Словно всю жизнь только об этом и мечтали; словно шесть рук-невидимок влекли их к лаборатории. Единственным, кто дал добро не вследствие задушевной беседы, а из чувства благодарности, был гарпий Стимфал, дед Келены.

Его маг выкупил из плена.

Плотийские войны числились по разряду мелких, локальных войнишек. В учебниках это зовется движением народов. Безземельный сброд волной двигался на юго-восток, захватывая плодородные края Тифея. Распахивались долины, вырубались леса; в горах, дырами в головке сыра, возникали штольни. Это не слишком радовало коренных обитателей – фавнов, стокимов, гарпий. Но их мнение никого не интересовало, а восстания подавлялись с исключительной жестокостью.

Конфликт перешел в стадию партизанской войны. Аборигены брали знанием местности и животной привычкой существовать в трудных условиях гор и лесов. Пришельцы – численно-

стью и беспощадностью к «тварям». Власти поощряли движение нищих масс, сперва – солдат, вскоре – поселенцев, готовых в любой момент опять взяться за оружие.

В архивах сохранились воззвания сенатов и лейб-канцелярий:

«Огромные участки плодородной земли ждут приложения вашего труда. Ваше прилежание будет вознаграждено. Каждый капитан, который предводительствовал отрядом в сорок человек, получит восемьсот акров хорошего леса, четырех волов, одного быка, трех коров и четыре свиньи. Командир двадцати пяти человек получит шестьсот акров земли, двух волов, две коровы и четыре свиньи. Рядовым бойцам в придачу к земельному участку выдадут сельскохозяйственный инвентарь; их наследникам подтверждается безусловная собственность на землю. Ремесленники также отлично устроятся на новом месте, ибо продукты здесь дешевы, а работы сколько угодно...»

Стимфала захватили во время налета стаи гарпий на поселок рудокопов. Идея обращения хомобестий в рабство еще не была окончательно отвергнута и запрещена законами колоний. Поэтому Стимфалу оставили жизнь. Ему и другим пленникам собирались подрезать крылья – верней, сжечь кончики маховых перьев. После такой операции полет становился невозможным, если не считать полета в никуда, вниз головой со скалы на гальку берега.

Ковыляющий гарпий, приземленный калека – что может быть страшнее?

– Он дрался до последнего, – сказали Кристобальду Скуне, когда гипнот, возвращаясь в лабораторию, остановился в поселке на ночлег. – Сильный, падлюка. Ничего, отработает...

– Это не работник, – ответил маг. Он смотрел гарпию в глаза, и тот отвечал гипноту прямым взглядом, не отворачиваясь. Цепь, которой Стимфал был прикован к стене форта, тихонько звенела, будто жаловалась. – Это боец. Продайте его мне. Вам не будет от него пользы.

Скуна мог бы принудить рудокопов отдать ему Стимфала даром. Простые, незамысловатые люди – таких легко подчинить. Но что-то подсказало гипноту: нельзя. Не из-за жителей поселка – на завтра они скажут друг другу, что поступили верно, отдав пленника магу, и сами поверят в это.

Но Стимфал не простит, если его украдут, словно вещь.

Равного – выкупают.

Гипнот отдал за деда Келены все, что имел при себе. И подписал долговое обязательство на приличную сумму. Кузнец снял с гарпия цепь и плюнул в сердцах. У кузнеца при налете погиб сын. Следовало бы, конечно, свернуть крылатому гаденышу его тощую шейку. Но деньги есть деньги. Сына не вернуть, а дочь выходит замуж, нужно приданое...

– Пойдем, – сказал гипнот, не прибегая к своему мастерству.

И Стимфал пошел за ним, не пытаясь взлететь.

Ночевка в поселке сорвалась. Спать им довелось в горах – маг оставил там собранную группу хомобестий, благоразумно не приглашая их завернуть к рудокопам. Прижавшись к теплоте боку здоровяка-сатира, Кри втихомолку следил за новеньким. Нет, гарпий не намеревался удрать, хотя имел к этому все возможности. Ищи иголку в сене, а птицу – в небе...

– Три года. Он прожил в моей лаборатории три года. И улетел лишь тогда, когда я закончил эксперименты. «Ты не скучаешь по дому?» – спрашивал его я. Он пожимал плечами. Знаете, гарпии умеют очень выразительно пожимать плечами. Нам так не дано. «Совсем-совсем?» – спрашивал я. Жестоко, да. Но мне было непонятно: отчего он врет своему спасителю, другу, наконец! – Ты не тоскуешь за семьей?» Я еще не знал, что гарпии не умеют тосковать по утраченному или далекому. Уверен, оставив меня, он часто вспоминал Кристобальда Скуну – но без грусти или иного чувства. Так вспоминают математическую формулу...

Работать со Стимфалом оказалось труднее всего.

Сатир или леонид, псоглавец или русалка – эксперименты шли, будто карета по мощной дороге. Войдя с хомобестией в уни-сон, гипнот создавал конфликтные ситуации, управляя грезой, следил за действиями подопытного в иллюзорном бою – и фиксировал в своей колоссальной памяти, не упуская наимельчайшей подробности. Хитрый удар копытом, пикирование на добычу, мертвая хватка на горле жертвы – все добросовестно копировалось Скуной.

Но гарпий...

В первый раз, войдя в уни-сон со Стимфалом, он был потрясен способом входа. Обычно видение складывалось частями, на манер мозаики. Спокойный, не требующий контроля процесс. Но Стимфал засыпал иначе – проваливаясь в «око бури», в центр бешеного урагана, сражаясь с ветром, и наконец вылетая в полностью готовый, сформированный мир сна.

Мага гарпий нес на руках, защищая от буйства стихий.

Никогда раньше Шестирукий Кри не сталкивался с такой обидной беспомощностью, как в данном случае. Гипнот не мог повлиять на развитие сна. Любая попытка смоделировать необходимую ситуацию не имела последствий. Так падает перо в бездну – ни следа, ни звука.

К счастью, гарпий оказался добросовестным сотрудником. Выяснив, что требуется магу, Стимфал сам находил приключений на свою пернатую задницу. Он устраивал разнообразные баталии и терпеливо воевал, пока гипнот, высаженный в безопасном месте, наблюдал и запоминал.

Закончив, гарпий поднимал Скуну и нес дальше. Во сне он выглядел иначе, чем в реальной жизни. От птицы оставались только огромные крылья – всегда разного цвета. В остальном гарпий был зрелым, хорошо сложенным мужчиной.

– Ах да, еще когти. Когти у него оставались: кривые, страшные...

– Вам это не мешало? – спросил Кручек, любопытный до всего нового. – Я имею в виду изменение облика. Мне кажется...

Гипнот отрицательно покачал головой: чуть-чуть, скорей намек, чем полноценное движение. Шевельнулись тонкие руки. Человеку, хорошо знакомому со Скуной, а здесь таким был лишь Серафим Нексус, это говорило ясней ясного – маг взволнован сверх меры, окунувшись в воспоминания.

– Нет. Не мешало. Ухватки оставались те же самые...

Сны деда Келены, первого из племени гарпий, с которым экспериментировал Скуна – позже согласились и другие – еще кое-чем отличались от обычных снов. Они были *цельными*. Всякий гипнот знает: сновидение – фрагментарно. Какие-то участки прописаны до мельчайших деталей, какие-то – эскизно. Между ними зияют лакуны, серые пустоты, куда лучше не забредать. Это азы, основы теории снов.

Плывать хотел гарпий на теорию.

Его сны не имели ни лакун, ни эскизных участков. Четко детализированный мир от горизонта до горизонта, на пространстве такого размаха, что гипнот долго приходил в себя от потрясения. Более того: крылатый Стимфал время от времени опять нырял в зрачок урагана – и оказывался в новом, принципиально ином сновидении.

Характер местности, обитатели, природа – все выглядело иначе. Не будь Стимфала рядом, гипнот заподозрил бы, что из сна одного существа он перебирается в сон другого. Видения разных созданий могут иметь столь серьезные отличия. Но видения одного и того же гарпия...

Кристобальда Скуну посещало безумное подозрение:

«Что, если это вообще не сны?»

Однажды он задал Стимфалу прямой вопрос и получил прямой ответ:

– Да. Это не сны.

– А что же?

– Души, – ответил гарпий, сидя на ветке над головой гипнота. – Не забывай: мы, гарпии – захватчики.

Наверное, пошутил.

В конце третьего года экспериментов Стимфал предупредил Скуну, что скоро оставит лабораторию. Плотийские войны закончились подписанием Тифейского договора. Земли отошли под власть реттийской короны, хомобестий Тифея уравнили в правах с остальными верноподданными; были очерчены территории резерваций. Гарпиям, чье число сильно сократилось в результате конфликтов, выделили Строфадские острова – Острова Возвращения, горькая ирония судьбы.

Бывший мститель, бывший пленник, бывший сотрудник, единственный, кто мог похвастаться, что носил на руках Шестирукого Кри, Стимфал желал присоединиться к сородичам.

– Я буду скучать за тобой, – сказал Кристоальд Скуна. – А ты?

– Я – нет, – ответил гарпий.

– Но помнить будешь? Хотя бы помнить?

– Помнить – да. Скучать – нет.

Воцарилась тишина. Лишь квохтал в клетке незрячий василиск, жалуясь на пищеварение, скверное в его годы. Гипнот смотрел строго перед собой: казалось, он боится, что взгляд способен прожечь дыру в том, на кого обратится. А стены не жалко, стену и отремонтировать недолго...

– Знаете, – внезапно улыбнулся Скуна, – это было совсем необходимо. Он говорил, что не станет скучать, будто все, что случилось между нами – пустяк, ерунда, не стоящая внимания... А я чувствовал: нет, никакой обиды. Просто я чего-то недопонимаю.

– Понял? – спросил лейб-малефактор.

– Да. Понял. Я не умею летать. Он не умеет скучать. Что в этом обидного?

Поднялась рука с платком, вытерла лоб – чистый, без испарины. Слегка утих, приглушен изнутри, неистовый мрак взгляда. На лицо гипнота словно набросили кисею.

– Извините, мне пора. Помогите мне встать.

Внуками к любимому деду, «отроки» кинулись к гипноту. Андреа Мускулюс подхватил слева, Матиас Кручек – справа. Как вазу эпохи Син, привезенную из Ла-Ланга за сумасшедшие деньги, они вознесли Скуну из кресла. Лейб-малефактор строго следил за вознесением – ни дать, ни взять, коллекционер, заказавший драгоценную вазу и готовый проклясть недо-теп-грузчиков.

Даже василиск бросил квохтать.

Позднее маги недоумевали: с чего бы это они подвели Скуну не к двери, а к окну? Да еще в полной уверенности, что окно – именно то, что ему нужно... Внизу ждала карета. Маленькая, черная, без украшений. Молодой кучер сыпал зерно в торбы, подвешенные на шеях лошадей. Едва Скуна воздвигся в окне, кучер поднял голову и кивнул, не произнеся ни слова.

– Мой ассистент, – сказал Шестирукий Кри. Встретясь взглядом с «кучером», он стал гораздо бодрее, чем раньше. – Славный мальчик. Из хорошей семьи: отец – лекарь, мать – травница. Я заметил, что дар гипнота чаще сопутствует медикусам, чем остальным. У меня в роду многие посвятили жизнь целительству...

– Знакомое лицо, – задумчиво произнес Кручек.

– Все гипноты выглядят родственниками, – улыбнулся Шестирукий. – У нас одинаковые глаза. Если отбросить это сходство, в остальном мы очень, очень разные...

– Глаза? Не знаю...

Кручек вздохнул. Ему казалось, что дело не только в глазах.

– Не будьте строги к мальчику, мастер Кручек, – говоря об ассистенте, гипнот теперь его называл «мальчиком», а доцента возвысил до «мастера Кручека». Это, пожалуй, дорогого стоило. – Год-два, и я отдам его в ваши руки. Бакалавратуру он сдаст экстерном. Я лично его готовил. И возьмемся за диссертат магистра.

– Стационар?

– Заочное. Я не хочу лишиться такого помощника.

– Не рановато ли? – усомнился малефик. – Для диссертата?

Сам Мускулюс защитил магистерский диссертат поздно, в тридцать два года. Каждого юного магистра он воспринимал, как вызов. Знал за собой эту слабость, боролся с ней – и проигрывал вчистую. Он тоже готовился заочно, без отрыва от работы. Работа и подсказала тему: «Специфика малефакторных воздействий на инферналов в свете теории Кручека-Цвяха». Тема – верней, ее первопричины – иногда снилась Андреа по ночам.

В такие ночи жена бранилась, что он громко стонет.

– В самый раз. Говорю ж, славный мальчик. Счастливо, Серафим. Не провожайте, я спущусь один...

Будто подслушав, молодой гипнот внизу стал отвязывать торбы. Крупный, плечистый, резкий в движениях, он ничем, кроме глаз, не походил на Скуну. Все время, пока карета не уехала, доцент стоял у окна и гадал, кого напоминает ему грядущий магистр.

Не догадался.

– Знакомое лицо, – эхом откликнулся малефик, держась за подоконник. – А приглядишься, и вроде бы ничего знакомого...

– Вы собираетесь у меня заночевать, судари?

Ехидства старому лейб-малефактору было не занимать.

* * *

Утреннее солнце плясало в витражных стеклах. Зайчикам не сиделось на месте – стаяей они гуляли по площади, радужной пургой мели по толпе, превращая студиязусов в красноносых паяцев, желтолицых тугров и синюшных мертвяков. Кто-то из старшекурсников наложил на окна фасада «лихой финтифлюгер», решив таким образом отметить первый день занятий.

Праздник удался. Приподнятое настроение витало над толпой, вливавшейся в гостеприимно распахнутые двери. Новички с восторгом вертели головами, бакалавры подшучивали над «школярами» и уступали дорогу важно шествовавшим деканам. В холле у расписания занятий образовалась толчея. Рокот голосов отражался от высоких сводов. Со стен на молодежь, снисходительно фыркая, взирали портреты великих чародеев прошлого – основателей и первых профессоров реттийского Университета Магии. Портреты выглядели на удивление живыми, словно вчера вышли из-под кисти художника.

Обмениваясь между собой знаками, от комментариев они воздерживались. Кому охота в чулан? – темень, сырость, диспуты с голодными мышами...

– Вступительная лекция «Основы манонакопления», – вслух прочел мальчик в заштопанном камзольчике. Он вцепился в планшет расписания обеими руками, очень боясь, что людской водоворот унесет его отсюда, завертит – и выбросит где-то, где нет в жизни счастья. Недоверие, свойственное тем, кому удача улыбалась редко, омрачало детскую радость. Неужели правда? Он, Яцек Деггель из Лотрены – королевский стипендиат?!

Даже недавняя попойка в «Шляпе волхва» не смогла до конца убедить Яцека в реальности происходящего. Утром болела голова, хотелось пить, а веры не прибавилось ни на грош.

– Аудиторию глянь! И корпус.

– Корпус – главный. Аудитория 5-14. Это где?

– Здесь. На пятом этаже, небось. Дальше у нас что?

– Введение в теормаг. ГК, 3-04.

– Нормально, – тоном бывшего студента отозвался Клод. – В другой корпус топать не надо. Яцек, вылезай, а то опоздаем...

Выбраться из напиральной толпы оказалось труднее, чем достичь сердцевины. Когда Яцек наконец предстал перед сокурсниками, оправляя растерзанную в давке одежку, его подхватили и волоком доставили в безопасное место – через холл шествовала процессия без пяти минут магистров с факультета интенсивного экзорцизма. К этим старались близко не подходить: каждый экзорцист нес клетку – дно из железа, купол из прутьев олеандра. В клетках верещали мелкие бесы – улов с летней практики.

Корча рожи, приплясывая, дерзко выпятив налитые кровью приапы, они – бесы, а не экзорцисты – обещали любому, кто согласится на одержимость, сорок бочек наслаждений.

Последним, ухмыляясь, шел толстяк – староста группы. Он нес глазурированный, печатанный по всем правилам кувшин. Из недр кувшина доносился смачный храп джинна. Похоже, тот был рад отдохнуть тыщонку-другую лет от разрушения городов и возведения дворцов.

– Ого, сколько наловили!

– Тоже мне невидаль! – скривился Хулио Остерляйнен, вздохнув пятерней свою примечательную шевелюру. – Это разве бесы? Мелочь пузатая!

– Ты хотя бы мелочь поймай, герой.

На плечо Хулио легла тяжелая лапа самого старшего из первокурсников – усача Теодора. Подначить по-деревенски обстоятельного, невозмутимого Теодора не получалось даже у записных насмешников. Зато усач был единственным на курсе, способным по-доброму утихомирить любого зубоскала.

– Видел я эту мелочь. Пакостят по-взрослому...

И никто в это время не смотрел на Яцека Деггеля, который провожал экзорцистов странным, остановившимся взглядом. Не может, не должен так смотреть мальчишка, которому не исполнилось и шестнадцати; сопляк, в восхищении чуть не извертевшийся на пупе: я!.. студент!..

– Не смейся над бесами, – сказал мальчик, и Хулио подавился заготовленной остротой. – Иначе они посмеются над тобой.

Когда-то семейство Деггелей знавало лучшие времена. Яцек этих времен не застал, но много слышал о них от бабушки. Долгими зимними вечерами, забравшись под теплое стеганое одеяло, украшенное, как и все белье в доме, красивым вензелем, мальчик внимал историям – о славных деяниях предков, о былом величии и богатстве рода, о знатных гостях и блистательных приемах.

Рассказы украшали реальность, как привявший цветок – лохмотья нищенки.

Родился Яцек в ветхом деревянном домишке на окраине Лотрены. Огород за домом, пыльная улочка за окном, редкие походы в лавку. Мать с утра до ночи пропадала в ратуше – на ее скудное жалованье архивариуса жили три человека. Отца Яцек не знал. Мать говорила, что отец был полковником и погиб в сражении. Чопорная бабушка со скорбно поджатыми губами, пропалывая капусту или прибираясь по дому, надевала полотняный фартук и белые перчатки, застиранные до дыр. Злословие соседок Эмма Деггель молча игнорировала – и те в конце концов отстали от нее.

Скучно бросаться дерьмом, не видя результата.

Бабушка всегда ходила с прямой спиной, гордо поднимая голову. Внук старался ей подражать. Выходило не очень, но он старался. Статус нетитулованных нобилитов, если честно, более чем скромный, представлялся малышу графской – королевской! императорской! – короной. Предок Заслав, которого герцог д'Лариньоль пожаловал дворянством, был для Яцека

героем. Стычка с вражеским отрядом, где отличился Заслав – величайшей битвой всех времен и народов!

Что уж говорить о крошечном поместье Дегтелей к северу от Лотрены, проданном за долги? Мальчик ни разу не видел поместья, но воображал себе дворец из сказки. Множество слуг, одетых в ливреи, фамильные уголья простираются на сотни лиг... Возвращаться из мира грез в сквозняки убогого жилья было ужасно!

К пяти годам, благодаря стараниям бабушки, Яцек научился бегло читать. С этого момента он попал в кабалу, вынужден ежедневно штудировать историю своей семьи, увековеченную на пожелтевших от времени страницах – тяжеленный фолиант в переплете из телячьей кожи стоял на почетном месте, в шкафу под стеклом. История обрывалась за два года до рождения Яцека: именно тогда у Дегтелей закончились деньги на оплату семейного биографа.

Надо отдать бабушке должное: она, как могла, пыталась дать внуку всестороннее образование. Чтение и каллиграфия, арифметика и история, два иностранных языка – все, что знала сама, Эмма Деггель передавала мальчику, видя в нем единственную надежду на возрождение их облетевшего, подрытого свиньями генеалогического древа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.